

Илина Григоричева

СЕКРЕТЫ ФАРФОРОВОЙ КУКЛЫ

Илина Григоричева
Секреты фарфоровой куклы

«Пробел-2000»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Григоричева И. В.

Секреты фарфоровой куклы / И. В. Григоричева —
«Пробел-2000», 2020

ISBN 978-5-98604-767-6

Действие романа разворачивается в Англии начала XVIII века. Молодой и талантливый, но бедный композитор, будучи сыном разорившегося немецкого барона, всеми силами старается добиться признания высшего общества, которое не спешит открывать перед ним двери. Но он упорно и верно движется к заветной цели. Знакомство с юной скрипачкой, дочерью могущественного герцога, переворачивает его судьбу раз и навсегда. Любовная интрига разворачивается на фоне общественно-политических событий. Эта книга о вечном противостоянии добра и зла, любви и ненависти, радости и горя. В ней автор поднимает темы, актуальные во все времена, и показывает, насколько разными могут быть взгляды людей на одни и те же события.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-767-6

© Григоричева И. В., 2020
© Пробел-2000, 2020

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	22
Глава 7	28
Глава 8	34
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	46
Глава 14	49
Глава 15	51
Глава 16	53
Глава 17	58
Глава 18	60
Глава 19	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Илина Васильевна Григоричева

Секреты фарфоровой куклы

© «Пробел-2000», 2020

© Григоричева И.В., 2020

От автора

Каждый из нас, дорогой читатель, наверняка хотя бы раз в жизни задумывался над тем, сколько информации несет в себе та или иная вещь. Кто-то с умилением хранит одноглазого плюшевого мишку, в память о лучших днях детства. Другие берегут память о своих мамах и бабушках в виде различных безделушек и одежды. А если это фотография или портрет! Многие знают, что по ночам в музеях люди с портретов словно оживают и продолжают обитать в некогда своих апартаментах. Любой экспонат также хранит свою историю: мебель, посуда и прочие вещи будто бы говорят нам о своих прежних владельцах. Встречаясь с исследователями старины можно услышать множество занимательных историй, практически никому не известных, так и просящихся на страницы романов. Так или иначе, любой предмет старины может вызвать у нас странные ощущения, как будто мы сами когда-то могли владеть им или лично знать изображенных на портретах известных, либо неизвестных никому людей. Признаться, я сама испытала это на себе, поскольку один из таких портретов и вдохновил меня на написание этой книги. Кроме того, я случайно увидела в гостях старинную фарфоровую куклу. Получив разрешение хозяев дома, я взяла куклу в руки: очень красивое личико с зелеными глазами и каштановыми волосами казалось лицом молодой женщины. На ней было надето зеленое платье в стиле рококо, с кринолином, какие носили в начале XVIII века. Хозяева подтвердили, что кукла действительно XVIII столетия, а одежда ее не сохранилась, но эта реконструкция платья почти полностью повторяет оригинал. Я продолжала держать ее в руках не в силах отвести взгляд – настолько она казалась живой! Хозяева с улыбкой отметили, что я не первая так на нее реагирую. Кукла эта действительно немного «живая», с ее существованием связана одна фамильная история, произошедшая с их предками в XVIII веке.

Так, не спеша, за чашкой кофе я услышала несколько коротеньких, но занимательных преданий. Кое-что из услышанного тоже нашло отражение в нижеследующем романе. Еще я хотела бы заранее попросить прощения у своих, разумеется, сведуших читателей, которые, прочитав мою книгу захотят обвинить меня в невежестве, а именно в незнании истории Великобритании XVIII века. Потому я и спешу уверить вас: я досконально знакома с ней, в том числе с историей династии Ганновер. И все же некоторые события, описанные мной, содержат под собой реальную основу, а многие герои имеют прототипы как людей прошлых веков, так и настоящего времени. Ведь изменяются мода, технологии, нравы и обычаи, но неизменными остаются достоинства, пороки, вера и все свойства человеческой души. Моя книга вовсе не претендует на исторический очерк и, как известно, роман – это дом с открытыми дверями и окнами, где каждый имеет право мыслить соответственно своим пожеланиям и устремлениям.

Глава 1

Эта история уносит нас, читатель, в Англию начала восемнадцатого столетия. Стояло прекрасное весеннее утро. Лондон еще спал, хотя кое-где уже начинали открывать свои лавочки мелкие торговцы. Небольшая улочка на окраине Лондона постепенно оживала; из булочной на углу доносился приятный запах свежей выпечки. Неказистый двухэтажный дом, стоявший рядом с булочной, давно требовал ремонта, уныло поскрипывая на ветру обветшавшими ставнями. Он принадлежал некой миссис Астер – женщине средних лет, которая содержала маленький пансион, сдавая комнаты внаем.

Напротив их дома была лавка зеленщика. Несмотря на свое занятие, зеленщик Блейк считал себя потомком дворян и всегда намекал соседям на это. Блейк любил всех поучать и давать молодым, как он говорил, отеческие советы. У него было восемь детей и маленькая, тощая, запуганная жена. И в этот ранний час зеленщик был уже на ногах, открывая свою лавочку. Он предпочитал торговать прямо на улице, а не внутри, как бакалейщики. От его лавки только что отъехала бричка, нагруженная свежими овощами и зеленью. Блейк удовлетворенно посмотрел ей вслед взглядом зажиточного торговца – его дела и впрямь шли неплохо. Он гордился, что всего этого он добился собственным, неустанным трудом, тому же он учил и детей своих. Посмотрев направо, он увидел стоявших в конце улицы четырех молодых людей.

– Что за времена наступили! – сердито, сам себе сказал Блейк. – Юноша благородного происхождения, вместо какого-либо приличного занятия, пиликает на скрипочке по тавернам. Вот если б мой сын только посмел заняться чем-то вроде этого! – и он погрозил кулаком появившемуся на пороге бледному отроку лет шестнадцати, своему старшему сыну, который служил у отца приказчиком.

А парни, стоявшие в конце улицы, прощались.

– Ну что ж, я думаю, всем нам сегодня улыбнулась удача! – сказал юный и красивый испанец по фамилии Гарсиа. Он бережно разгладил полы своего потертого кафтана, в одном из карманов которого приятно позвякивали монеты. – Раньше такую сумму я зарабатывал, в лучшем случае, за месяц.

Ему согласно кивнул Пирсон, низкорослый, но крепкий рыжеватый парень с голубыми глазами и веснушками вокруг чуть вздернутого носа. Эндрю Пирсон был уроженцем Лондона, где его отец содержал небольшую часовую мастерскую. Он был самым младшим из друзей – ему едва минуло семнадцать, и самым веселым, чего нельзя было сказать об Энтони Дрэнке – долговязом, неряшливом молодом человеке и самым старшим из всех. Родом он был из провинции, но сбежал из дому в пятнадцать лет, когда после смерти матери отец женился вторично, а мачеха сделала его жизнь невыносимой. Теперь Тони стукнуло двадцать девять.

– До завтра, – как-то не очень оптимистично произнес Дрэнк и, таща за собой виолончель, вошел в небольшой домик весь увитый плющом, из окон которого виднелись давно требующие стирки занавески.

– До встречи, друг, и спасибо, – сказал Гарсиа их четвертому товарищу, – благодаря тебе на нас всех скоро прольется милость из кармана герцога Чандоса, – он хитро улыбнулся и добавил, – мы с Пирсоном лишь немного отдохнем, а потом отправимся в «Два Петуха».

Четвертый юноша, о чем-то серьезно задумавшись, продолжал стоять на месте. Он был некрасив в обычном понимании мужской красоты: невысокого роста, очень сильно худощав и такой сутулый, что порой казался горбатым. Сутулость его была следствием безуспешной попытки скрыть косое левое плечо, которое было чуть ниже правого. Увечье это являлось результатом падения в младенчестве из колыбели по вине нерадивой няньки. Кисти рук и ступни ног парня были слишком большими по сравнению с телом, и потому казалось, что они как будто взяты от другого человека, более крупного. Свои темные, почти черные волосы до

плеч он зачесывал назад, собирая их на затылке и не желая сбривать под парик, как многие делали это, следуя моде того времени. На его смуглом, худом, чуть вытянутом лице резко выделялся тонкий нос с горбинкой, что придавало ему некоторое сходство с сынами Авраамовыми. Но все недостатки его наружности покрывали большие карие глаза – красивые и умные. А взгляд этих глаз был всегда спокойным, мягким и каким-то удивительно лучистым. Одежда на нем была далеко не новой, но настолько опрятной, что начиная от гладко выбритого лица и белоснежной блузки под кафтаном, кончая начищенными до блеска туфлями, весь облик юноши смотрелся вполне достойно.

Надсадно закричал чей-то петух. Юноша встряхнулся от своих мыслей, вдохнул полной грудью утренний воздух и зашагал вниз по улице, весело напевая и радуясь наступающему дню, как может радоваться этому парень в девятнадцать лет. Дойдя до булочной и купив две буханки свежего хлеба, он поспешил было войти в пансион миссис Астер, но тут его остановил Блейк.

– Ну что же, молодой человек, опять музицировали до утра? – с оттенком строгости в голосе спросил он. – Вам хоть прилично платят за это? С теперешними-то налогами не разживешься, а у вас семья. Не стоит ли задуматься о стабильном заработке?

– Да ничего, я не жалею, – спокойно ответил юноша. Невозмутимость явно была его отличительной чертой. – У меня теперь будет больше учеников, и я смогу платить няньке лучшее жалованье, чтобы она смогла и ночью оставаться у нас, когда это потребуется.

– Вашему отцу ближе к ночи сильно нездоровилось, и мы взяли Клауса переночевать. Моя жена только что накормила и отвела его к вам.

– Я так благодарен миссис Блейк...

– Чего уж там. Всегда рады помочь, своих-то восемь! – перебил его Блейк, который по натуре был все-таки добрым человеком.

– Дерек... Дерек, сынок, – послышался слабый голос из открытого окна пансиона на втором этаже.

Юноша извинился перед Блейком и поспешно зашел в дом. Дверь в его комнаты была приоткрыта, и как только он вошел, под ноги ему буквально выкатился очаровательный белокурый малыш. Запрыгнув к нему на руки, мальчик прижался личиком к его щеке. Немного подержав ребенка на руках, молодой человек посадил его на стул и дал кусок горячего хлеба. Тот немедленно принялся быстро-быстро жевать.

– Как он любит тебя, Дерек, – сказал изможденный, еще не старый мужчина, лежавший в углу на кровати. Его строгое лицо довольно хорошо сохранило отпечаток былой красоты, а белокурые волосы лишь на висках подернулись сединой.

Маленький Клаус действительно просто обожал своего брата Дерекка, ибо именно так звали юношу. Настоящее и полное его имя было Теодерих Вольфганг Иоганн фон Лансдорф. Он и его брат Клаус были сыновьями разорившегося немецкого барона, того самого, который лежал сейчас на кровати. Их род давно измельчал и так обнищал, что нынешний прямой его отпрыск барон Фридрих Христиан Вильгельм фон Лансдорф – отец Дерекка и Клауса, со своей супругой были вынуждены переселиться из Дрездена – столицы саксонского курфюршества в сердце Великобритании – Лондон, где один родственник обещал им более сносное существование. Но через два года этот родственник умер, а наследство принял его сын, очень жестокий и надменный человек, который не хотел видеть родню в лице Фридриха, так как отлично знал о его «полузаконном» титуле барона фон Лансдорфа. Дело было в следующем: отец Фридриха барон Ульрих Людвиг Вильгельм фон Лансдорф, едва выйдя из лет отрочества, страстно влюбился в красивую и такую же юную еврейку Ребекку Шнайдер и, к ужасу родных, самочинно женился на ней. Кроткая девушка изо всех сил старалась понравиться родне своего мужа, но все было напрасно. Ребекка отказалась от веры своих предков и, несмотря на законность их брака, ни родня Ульриха, ни общество не признали ее баронессой фон Лансдорф. Мать Ульриха пыталась разрушить этот брак, устроила небывалый скандал и пожаловалась курфюрсту.

И поскольку Лансдорфы состояли в родстве с саксонским курфюрстом, то он, рассердившись на юного родственника, признал этот брак морганатическим¹. Вскоре после рождения их единственного сына Фридриха несчастная и непризнанная баронесса скончалась. Злые языки болтали, что умереть ей помогла Генриетта фон Лансдорф, тетка Ульриха по отцовской линии, как будто бы имевшая опыт в таких делах. Так это было или нет – осталось неизвестным, но Ульрих с тех пор начал вести беспорядочную жизнь, не пожелав жениться вторично. Получив и так уже не слишком большое наследство после смерти отца, Ульрих начал с невероятной быстротой спускать «на нет» все состояние фон Лансдорфов. Воспитание маленького сына он доверил своей матери.

Совсем молодая женщина, которой было едва за тридцать (ее отдали замуж девушкой-подростком), но черствая и высокомерная Вильгельмина София фон Лансдорф воспитывала внука в лютеранской вере и держала бедного ребенка, что называется, в черном теле. Его заставляли учить наизусть много молитв, взращивали ненависть к католикам, а особенно к евреям. За малейшую провинность он часами простаивал в углу на коленях, куда перед этим рука его строгой бабки щедро рассыпала сухой горох. Бедный маленький Фритц жил в постоянном страхе перед Вильгельминой, Генриеттой, тетками и прочими родственницами фон Лансдорфов, которые желали видеть его таким, каким не стал для них Ульрих. Они внушали мальчику, что гнилую кровь его матери необходимо изгладить добродетелями. Почти не видя своего отца и не получая должного мужского воспитания Фридрих, подрастая, хотя и не любил бабуку, незаметно становился похожим на нее.

Мальчику было двенадцать, когда однажды ночью ему послышался чей-то хохот. Он проснулся, подумав, что это сон. Но хохот продолжался. Очень удивленный, ведь бабка учила, что громкий смех недопустим, Фритц поднялся с кровати и вышел из своей спальни.

Смех раздавался из покоев его отца. Он тихо пошел туда, осторожно заглянул в плохо закрытую дверь и увидел там то, что оставило в его душе след на всю оставшуюся жизнь: пьяный отец совершал плотский грех с двумя служанками, притом все трое были обнажены.

Фритц опрометью бросился к себе в комнату и проплакал до самого утра. С тех пор он больше не чувствовал уважения к отцу и стал менее замкнутым с бабушкой и родственницами. Все свои силы он положил на учебу. Пастор хвалил тихого и старательного мальчика.

Так, к двадцати одному году Фридрих блестяще окончив Университет, стал профессором теологии. Вскоре, во время очередного загула умер барон Ульрих. Фридриху и Вильгельмине едва хватило средств уплатить его долги и, благодаря бережливости обоих, сохранить родовой замок. Всего Вильгельминой в браке было рождено семеро детей, но достигли зрелого возраста лишь трое – Ульрих и дочери-близнецы Урсула и Бенигна. Выдать замуж дочерей так и не удалось, в виду полного отсутствия приданого, а также позорной жизни их брата. И эти две девушки остались старыми девами.

Таким образом, единственный наследник Ульриха – барон Фридрих Христиан Вильгельм фон Лансдорф фактически не имел права называться таковым в обществе. Он был весьма привлекательным молодым человеком. Внешне он не унаследовал ни одной черты своей матери, а очень походил на отца, который, пока его не обезобразило пьянство и распутство, слыл красавцем и сердцеедом. Фридрих был высоким, стройным блондином с голубыми глазами, за которыми, однако, скрывалась какая-то непонятная тревога. Нравом же он совсем не походил на своего беспечного отца. Замкнутый, немного нервный, ему почему-то казалось, что все хотят его обмануть, дабы он сбился с пути и закончил свои дни как отец – так сильно была ему ненавистна жизнь, которой тот жил.

¹ Морганатический брак – брак между лицами неравного положения, при котором жена не пользуется сословными привилегиями мужа (и наоборот), а дети – отца.

Выбрав себе религиозное поприще, Фридрих, чтобы как-то жить, преподавал в Университете теологию. Однако, став в свои юные лета законченным ханжой, полного взаимопонимания с бабкой он так и не нашел. Вильгельмина же теперь любила единственного внука, считала его самым умным и достойным молодым человеком, к тому же так внешне похожим на ее покойного, непутевого сына. Она отлично осознавала, что при их бедности и неопределенном положении внука в обществе, тому никогда не удастся жениться на какой-нибудь девушке из богатой и знатной семьи. Но сердцу надеяться запретить нельзя, и женщина истово молилась о хорошей и выгодной женитьбе для внука. Вильгельмина ничуть не раскаивалась в своей ненависти к покойной невестке, зато очень раскаивалась в своем поступке, совершенном сгоряча много лет назад, когда устроила общественный скандал из-за свадьбы сына. Фридрих же упорно избегал женщин вообще – ханжески-религиозное воспитание и отвратительное поведение покойного отца сделали свое дело. Предлагая внуку попробовать сосватать ту или иную невесту, по мнению Вильгельмины подходящую ему в жены, она встречала решительный отказ. Фридрих считал девушек, воспитанных без каких-либо лишений нерелигиозными, а заодно безнравственными. Ну и от себя, разумеется, гордый юноша не мог скрыть, что не хочет быть отвергнутым и осмеянным из-за сватовства богатых невест. Молодой человек писал трактат за трактатом о борьбе с человеческими страстями, а главное – о раскрытии пагубных происков сектантов и католиков. Неопределенное положение в обществе решило его судьбу – вскоре он стал пастором.

И тут случилось то, чего так не ожидала Вильгельмина. Многие девушки тайно вздыхали о своем новом красивом пасторе. И когда Эльза – дочь богатого виноторговца Ганса Миллера увидела его в первый раз, то сразу дала себе клятву выйти за него замуж. Задача эта была не из легких. Во-первых, пастор сторонился женщин, а во-вторых, вокруг него всегда находилось много знатных и красивых девушек. А Эльза не отличалась ни красотой, ни благородством крови.

Она была обычной русоволосой и сероглазой девушкой, каких можно встретить где угодно, не запомнив их лиц. Но за такой непримечательной внешностью стояли ум, веселый и добрый нрав, смекалка. Быстро сообразив, что представляет из себя пастор, Эльза сменила красивое платье на очень скромное и старомодное. В ее руках теперь всегда была Библия. Она стала горячо участвовать в делах прихода, гневно отвергала даже самый намек на ухаживания противоположного пола. И хотя ее сердце пылало от любви, она продолжала держать высоко-нравственную позицию, часто появлялась в поле зрения фон Лансдорфа в обществе старух и чопорных старых дев. Все это не ускользнуло от внимания пастора. Много еще времени, сил и уловок потратила Эльза на Фридриха. Борьба длилась пару лет. Другой девушке давно, может, и надоела бы эта погоня за призрачным счастьем, но не такова была Эльза – ее любовь только усилилась.

И вот, наконец, она победила! Пастор, восхищенный ее добродетелью, сделал предложение. Эльза прекрасно понимала, что ей, возможно, придется всю жизнь подавлять свои искренние чувства, веселый и жизнерадостный нрав, но она была из тех женщин, которые твердо знают, чего хотят. А она больше всего на свете хотела стать женой пастора Лансдорфа, и она стала ею!

Ярости Вильгельмины не было никакого предела. Она не желала признавать новую баронессу, как когда-то не признала жену Ульриха. Зато Ганс Миллер полностью разделил с Эльзой радость, дав за ней солидное приданое. После смерти жены он один воспитывал ее. Ганс был вполне зажиточным виноторговцем, а его дочь теперь баронесса!

Значит, и внуки его будут аристократами. Тайная и, казалось бы, несбыточная мечта о титуле осуществилась! Но Эльзу совсем не волновал ее титул, к тому же почти мифический – она упивалась своей любовью. А Фридрих, узнав получше свою жену, еще раз понял, что не ошибся в выборе и искренне привязался к ней.

Вильгельмина и ее дочери приложили все усилия, чтобы сделать их жизнь невыносимой. Такая ситуация начала раздражать Лансдорфа. Эльза души не чаяла в своем муже, во всем его поддерживала.

Поддержала и тогда, когда он загорелся поездкой в Англию, по приглашению своего богатого родственника. Эльзе уже предстояло скоро родить, но, несмотря на это, они спешно отбыли из родных краев.

Вскоре по прибытии в Лондон у них родился сын, которого назвали Теодерих Вольфганг Иоганн, а уменьшительно, по-немецки – Дитц, от имени Теодерих. Они дали такое имя своему сыну в честь его крестного – Теодериха Эммануила барона фон дер Пфальца, который был дружен с ними и открыто называл Фридриха бароном, общаясь с ним на равных. Через два года, когда им отказали в гостеприимстве и всяческой поддержке, семья фон Лансдорф была вынуждена скитаться с одного места на другое, в поисках лучшей доли. С досады Фридрих готов был отправиться назад на родину, но жена, вспомнив о Вильгельмине, сумела его отговорить. Семейство переехало в Оксфорд, где Фридрих снова стал преподавать в Университете, а епископ назначил ему приход. Там же, на деньги из приданого Эльзы, они купили неплохой двухэтажный домик.

Глава 2

Потекли годы. Рос их сынишка. К удивлению родителей, Дитц с ранних лет начал проявлять огромный интерес к музыке. Фридрих желая, чтобы сын всегда был при церкви, отдал его в обучение к церковному органисту Роберту Лайну. Уже в шесть лет Дитц, или как его теперь все звали по-английски – Дерек², мог на службе заменить Роберта, когда это было необходимо.

Услышав впервые звуки скрипки, мальчик решил, что будет обязательно играть на ней. Отец о том и слышать не желал, считая это безнравственным занятием. И тогда Дерек учился тайно от него. Мать поддерживала его, понимая, что сын унаследовал от нее живой нрав.

Скоро способный мальчик играл и на скрипке, и на духовых инструментах, а кроме того сочинял музыку. Особых усилий при этом он не прилагал – музыка звучала у него внутри. Когда отец про это узнал, то сильно разгневался. Дереку помогли мать и Роберт Лайн, которые лишь частично убедили преподобного отца, что у его сына талант. Пастору и самому нравились церковные сочинения сына, написанные для органа. Но постоянный страх за нравственный облик единственного отпрыска заставил его пойти на следующее: помня, какой урок он сам получил в детстве, Фридрих решил показать нечто подобное своему сыну.

Однажды вечером, под предлогом прогулки, он повел Дерек в одну таверну, где по достоверным слухам происходили настоящие оргии. Войдя в заведение, ничего не подозревающий мальчик хотел было спросить у отца зачем они сюда пришли, как вдруг замер: на руке у того повисла отвратительная, выдававшая виды проститутка.

– Отпустите отца, мэм – пролепетал Дерек, видевший в своем окружении до этого только строгих и чопорных женщин.

– Как ты меня назвал? Мэм? – пьяно расхохоталась потаскуха и обнажила гнилые зубы, обдав Дерек смрадным дыханием.

Он в ужасе отпрянул и увидел другую девку, которая под громкие восторженные вопли пьяных мужчин танцевала на столе, задирая юбки, тем самым показывая исподнее несвежее белье. Такие же пьяные музыканты играли на скрипках.

– Какие холеные красавчики! – не унималась потаскуха, повисшая на пасторе. – Сейчас, сейчас. Ты хочешь сам или привел сыночка? Ему не рано, а?

– Ну все, хватит! – сказал Фридрих, и с непреодолимым отвращением стряхнув с себя проститутку, схватил сына за руку и повел прочь из притона.

Потаскуха от злости, что упустила добычу, разразилась им в след площадной бранью. Какое-то время они шли молча и вдруг у Дерек подкосились ноги, он остановился – от волнения ему стало тяжело дышать. А его отец выглядел очень довольным. Когда сын повернул к нему свое бледное лицо, он сказал:

– Вот для чего пишется такая музыка, о которой ты мечтаешь!

– Отец, простите меня, простите, – разрыдался мальчик, уткнувшись в него.

– Все, все, сынок, идем, – произнес обычно не склонный к нежности пастор и погладил сына по голове, – ты уже достаточно взрослый, чтобы понять, зачем я это сделал. Сейчас я открою тебе одну тайну. Ведь ты сохранишь ее, не так ли?

– Конечно, отец, – всхлипнул Дерек.

– Я был примерно в твоём возрасте, когда видел почти то же самое.

– Вы?

– Да. Только видел я это не в мерзком притоне, а в собственном доме.

– В собственном доме?!

² Дерек (Derek) – английское произношение древнегерманского имени Теодерих (Theoderich) или немецкого Дитрих (Dietrich).

– Такую жизнь вел мой отец – твой дед. И, я надеюсь, у тебя достанет благоразумия молчать. Разумеется, твоя добродетельная мать ничего об этом позоре не знает. Я всю свою жизнь посвятил Богу, чтобы изгладить сей родительский грех, потому и питаю отвращение ко всем светским забавам, ибо известно до чего они доводят. И так как за себя я теперь уверен, то ныне переживаю за тебя, моего сына.

– Будьте уверены, отец, я вас не подведу, – твердо ответил Дерек, утерев слезы.

С тех пор Эльза стала замечать, что в ее прежде подвижном, веселом сыне начала проглядывать скрытность, сдержанность во всем, даже в его любимой музыке. Она приписывала это его кризису отрочества. Дерек же, поразмыслив над увиденным, проштудировал много раз катехизис и пришел к выводу, что музыку писать все же не грех, если она заведомо не преследует низких целей.

Прошел год. И вот, однажды к ним в дверь постучал незнакомец, спросив, не дом ли это пастора Лансдорфа. Получив утвердительный ответ, он сказал, что прибыл сюда по приказанию министра иностранных дел лорда Болингброка и должен видеть преподобного отца Фридриха Лансдорфа.

– Его светлость лорд Болингброк, – сообщил Фридриху и Эльзе посланник лорда, – питая склонность ко всему прекрасному, а в данном случае к музыке, неожиданно для себя ознакомился с органными работами вашего сына. Он желает видеть его лично в королевском дворце Уайт-холле.

– Передайте светлейшему лорду Болингброку, что его желание будет исполнено, – сухо ответил Фридрих.

– За вами и вашим сыном придет карета, – сказал посланник и удалился.

– Только этого нам не хватало! – возмутился после его ухода пастор, но перечить самому министру иностранных дел не посмел.

Эльза же в душе радовалась за сына, и в назначенный срок принаряженный Дерек с отцом отправились в Уайт-холл. Воспитанный в строгости мальчик с удивлением разглядывал роскошно одетых людей и пышность убранства королевского дворца. Слуга проводил пастора с сыном до дверей аудиенц-зала лорда Болингброка и велел им ждать. В приемной сидели и другие люди, ожидающие аудиенции.

Через некоторое время двери отворились, и важный лакей произнес, вызывая следующего посетителя:

– Пастор Лансдорф с сыном!

Болингброк окинул любопытным взглядом вошедших: статного белокурого пастора и его тщедушного черноглазого сына.

– Что-то Лансдорф-младший имеет с вами маловато сходства, однако, – с интересом отметил лорд.

Краска бросилась Фридриху в лицо. «Он тоже несомненно знает о моем происхождении. Господи, неужели и в Англии спасения от этого унижения не будет?» – подумал он в отчаянии, но сдержанно ответил:

– Лансдорф-младший напоминает наружностью родню матери.

– Не важно, кого он напоминает, – со значением, но миролюбиво продолжал Болингброк и начал довольно любезно расспрашивать Фридриха об их жизни в Англии.

Дерек тоже незаметно разглядывал Болингброка: тот, по его мнению, чем-то походил на старую хитрую лисицу. Помимо него, в просторном аудиенц-зале находилось еще двое знатных вельмож, они спорили насчет какого-то документа. Величественный вид одного из них вызвал у Дерекса одновременно восхищение и трепет. Именно такими представлялись мальчику сказочные короли. Богато и со вкусом одетый, надменный красавец-лорд казался человеком без возраста.

С виду ему можно было дать лет двадцать – двадцать два, но внимательный Дерек, разглядев его руки, украшенные драгоценными перстнями, подумал, что этот лорд вполне мог быть и старше. Он был так хорош собой, что Дерек не мог оторвать от него глаз. Прогнав своего оппонента, красавец изящно потянулся в кресле и, заметив Дерека, уставился на него неотрывным взором прекрасных зеленых глаз. От страха у мальчика пробежал холодок по спине – взгляд вельможи был пристальным, немигающим, все лицо его застыло, словно маска.

Лорд Болингброк, закончив расспросы, предложил Дереку продемонстрировать свое умение, указав на стоящий в стороне орган.

Красивый лорд сразу встал и направился к дверям.

– Не желаете послушать, ваша светлость? – окликнул его Болингброк, но тот не удостоил его ответа, лишь пожал могучими плечами и царственной походкой покинул кабинет.

Больше часа Дерек играл на органе, пока не получил разрешение удалиться. Лорд Болингброк остался доволен им и сделал заказ на несколько произведений.

– До чего же я устал! – раздраженно сказал Фридрих сыну, когда они оказались за дверями кабинета.

– Скажите, отец, – спросил Дерек, – вам известно, кто был тот лорд, что сразу вышел как только я начал играть?

Преподобный отец недовольно скривился:

– Я видел его портрет в университете, могу и ошибаться, но, судя по весьма примечательной наружности и высокомерию, догадываюсь, что это и есть самая колоритная фигура во всей Англии после королевы – герцог Нортумберленд.

– Он так ослепительно прекрасен собой...

– ...и наверняка кутила и развратник, как любой из этих высокородных аристократов, – поучительно закончил отец.

Мимо них прошли две молодые дамы в дорогих платьях с пышными кринолинами и в таких высоких париках, что Дерек с наивным изумлением остановился, глядя им в след. После их бедной церквушки ему казалось, он попал в какой-то другой, неведомый доселе мир. Пастор с силой сжал руку сына в своей и потащил его за собой.

Около парадного входа стояло множество экипажей, а слуга лорда Болингброка провожал их до того, в котором они приехали. Пока они его искали, Дерек увидел, как из роскошной кареты, потеснившей других у крыльца вышел миловидный и, судя по одежде, очень знатный юноша. В руках, казалось, он нес большую красивую куклу.

– Смотрите, отец, какая огромная кукла! – снова изумился Дерек. – Для чего таких делают?

– Какой же ты глупый! – не сдержался преподобный отец. – Какая еще кукла! Это ведь живая девочка.

Дерек удивленно захлопал глазами и увидел как «кукла» зашевелилась, обняв ручонками шею юноши. Тот поцеловал ее несколько раз в кудрявую головку, поставил на землю и, взяв за ручку, повел во дворец. Лакеи низко склонились перед ними. Фридрих резко взял сына за подбородок повернул его голову к себе:

– Ты еще слишком мал, чтобы так смотреть на девочек!

– Простите, отец, но она действительно очень похожа на куклу.

– Из таких вот маленьких «кукол» вырастают большие, не менее красивые и утонченные, зато души их, как у тех... Помнишь?!

Дерек испуганно сжался и сел в карету.

– Завтра ты будешь наказан, – строго произнес пастор.

– За что, отец?

– Ты сегодня много засматривался на красивые лица и наряды, отчего у тебя могут разыгаться опасные фантазии.

Мальчик опустил голову и тяжело вздохнул.

Глава 3

Прошло около двух лет. Покровительство лорда Болингброка, а также работоспособность и талант юного композитора сделали его достаточно известным в Оксфорде. В то же время благодаря их покровителю семья пастора Лансдорфа приняла английское подданство. Преподобный Фридрих, или как его теперь называли на английский лад – Фредерик, по-прежнему громил с амвона церкви любое проявление страстей, находя поддержку у фанатично настроенных пуритан³. Раз в месяц он ездил в Бэнбери⁴ посещать собрания пуританского церковного комитета по борьбе с ересями, католичеством и нонкомформизмом⁵. Но если раньше пуританин был революционером с мечом в руке, то сейчас над пуританами посмеивались, называя их в просторечии «фанатиками», и их рвение постоянно умерялось патриотическими и экономическими соображениями правительства. Пастор часто ссорился с сыном из-за музыки. Чопорный с виду как отец, сдержанный, но не ставший ханжой Дерек объяснял ему, что для него цель написания музыки – славить Бога. А что касается людей, то он хочет, чтобы человек, слушая его музыку становился лучше, нравственней, добрей. Сын пытался доказать отцу, что в его музыке нет страстности, но у того были свои понятия о нравственности и доброте. Помимо прочего, отца Фредерика злила материальная независимость сына. Но Дерек был очень скромным юношей: ничего не тратя на себя, разве что на покупку нескольких музыкальных инструментов, все заработанные деньги он отдавал матери, которая, в свою очередь, не смела ничего потратить из них без разрешения мужа. Лишь некоторую сумму утаивал Дерек от родителей: он тайно помогал своему другу-бедняку, поскольку отец не разрешал ему общаться с простолюдинами и иноверцами. А мальчика этого звали Алонсо Гарсиа, и он как раз был католиком, испанцем и простолюдином. Но христианские чувства Дерек, в отличие от его отца, не знали ни происхождения, ни веры. Эльза тоже втайне от мужа всегда подкармливала мальчишку и его больную сестру, поскольку эти несчастные дети очень рано осиротели. Впервые Дерек сам заговорил с Алонсо, услышав, как тот прекрасно играет на скрипке. Бедный испанец вначале не понимал, почему сын строгого пастора проявляет к нему такой интерес и участие, но позже, узнав какой у самого Дерек таланти, и какое у него доброе сердце, он проникся к нему безграничным доверием и самой преданной дружбой. Частенько они музицировали вдвоем, и Алонсо даже стал заходить в протестанскую церковь послушать, как играет его друг свои сочинения на органе. У Дерек, возможно от материальной независимости, рано начал формироваться упрямый и твердый характер. Никогда он открыто не перечил отцу, но делал всегда то, что велело ему сердце и голос совести.

Надо сказать, Эльза после рождения Дерек, который в младенчестве был очень слаб здоровьем, родила еще пятерых сыновей, но все они рождались болезненными и не задерживались на этом свете. В настоящий момент она снова была беременна. Отец Фредерик тревожился: Эльза стала часто прихварывать.

Вскоре умер лорд Болингброк, а за ним и королева Анна. Наследником престола бездетная королева назначила своего родственника – ганноверского курфюрста Георга. Со смертью покровителя для Дерек наступили тяжелые времена – новый король благоволил другому заезжему немецкому композитору Георгу Фридриху Генделю. И музыка юного фон Лансдорфа была никому не известна при дворе нового короля.

³ Пуритане – сторонники очищения англиканской церкви от католических обрядов и епископального церковного строя.

⁴ Бэнбери – город в Оксфордшире, где жили фанатики-пуритане.

⁵ Нонкомформисты – противники англиканской церкви.

Однажды, проснувшись на рассвете, отец Фредерик не увидел рядом с собой жены. Решив, что она уже хлопочет по хозяйству, он неспешно оделся и спустился в гостиную. На пороге в луже крови лежала Эльза. Увидев ее, он на мгновение застыл на месте, а затем, испустив истошный крик, бросился к жене, которая лежала без движения. Дерек проснулся от отцовского крика и тоже спустился вниз.

Отец Фредерик велел сыну бежать за врачом, а сам поднял Эльзу и понес в спальню.

Роды были преждевременными и очень тяжелыми. Доктор честно сказал, что бедная женщина вряд ли выживет. И вот, после многих часов мучений, на свет появился мальчик. Пастор молча сидел рядом с женой. Вдруг у умирающей резко открылись глаза.

– Я умираю, Фритц, – слабым голосом произнесла Эльза.

– Нет, нет, что ты, этого не будет, – искренне веря своим словам, попытался возразить ей муж, но она дрожащей рукой коснулась его губ:

– Молчи, Фритц, со мной все кончено, осталось только одно – я должна тебе открыть душу, ведь я всю жизнь не была с тобой искренна, но очень... очень счастлива. Не зови другого пастора, я буду исповедоваться тебе... Немного времени спустя, стоящий за дверью Дерек услышал грохот. Не выдержав, он распахнул ее и увидел отца на полу без сознания. Врач сказал Дереку, что его мать умерла, а отец находится в глубоком обмороке. Младенец тоненьким голоском запищал в простынях. Молча глотая слезы, Дерек подумал, вспомнив об участии своих братьев, что и этот ребенок, возможно, не проживет больше недели, но в любом случае следует срочно искать ему кормилицу. Похоронив жену, преподобный отец сильно изменился. Казалось, ему стало безразлично все на свете, даже католики и схизматики⁶. В Университете он больше не преподавал – его выгнали за ярый религиозный фанатизм. Вечерами отец Фредерик просиживал в любимом кресле Эльзы, погружаясь в тяжелое раздумье. Средств к существованию у них оставалось все меньше. Дерек зарабатывал как мог, играя на скрипке и органе. Однажды вечером он решился на разговор. – Отец! Мы должны поразмыслить над тем, как будем жить дальше. Пастор молчал, бессмысленным взглядом уставившись на огонь в камине. – Понимаете, – продолжал сын, – надо признать, что наши дела идут совсем скверно. Мы не можем больше позволить себе постоянную прислугу. Я нашел недорогую кормилицу и няньку в одном лице, но она почти не смотрит за ребенком. Вы же не хотите, чтобы с ним произошло то же, что со мной, – Дерек повел косым плечом, – я обещаю работать с удвоенной силой и постараюсь все успевать, но все же позволю себе заметить – мое горе не меньше вашего, а если вы не станете помогать мне, то я не знаю как со всем этим управлюсь. Тут отец Фредерик медленно поднял голову. Его лицо исказилось от внезапно нахлынувшего гнева. – Ты не можешь оставить меня в покое хотя бы ненадолго??? – вскричал он. – О бездушный, подлый! Мне не нужен этот ребенок! Я не хочу слышать ни о ком и ни о чем! Пошел вон! – его лицо побагровело, изо рта вырвалось хриплое рыдание.

«Это истерика», – подумал всегда сдержанный в своих эмоциях Дерек.

Пастор неистово рыдал несколько минут, а затем сдавленно выкрикнул:

– Это я, я убил ее!

Он хотел сказать что-то еще, но губы перестали его слушаться, лицо приняло странное выражение. Пастор поднялся с огромным усилием, схватился рукой за сердце, начал судорожно глотать воздух, не удержался на ногах и как подкошенный рухнул на пол. Сын кинулся к нему, постарался нащупать пульс, но не смог. «Неужели он умер?» – ужаснулся Дерек и кинулся за врачом.

Осмотрев отца Фредерика, доктор сказал:

– У вашего отца апоплексический удар. Крепитесь, молодой человек. Его жизнь теперь в руках Бога, а вам, возможно, теперь потребуется много сил и терпения.

⁶ Схизматики – раскольники, еретики.

Врач ушел. Дерек сел у кровати почти бездыханного отца. Из соседней комнаты послышался громкий плач младенца. Впервые, в своей еще недолгой жизни, бедный мальчик схватился за голову.

Глава 4

Прошло четыре года. Отец Фредерик, как ни странно, выжил.

Вначале, вся его левая часть от плеча до ноги была парализована, но благодаря нежной заботе сына и дорогостоящему лечению, паралич недавно начал отходить. Младенец тоже оказался крепким, не в пример предыдущим братьям. Невольно отняв своим рождением жизнь у матери, он будто вобрал в себя ее здоровье и жизненные силы. Дерек назвал его в крещении Клаус Фридрих Максимилиан, выбрав для обихода одно имя – Клаус. Он рос симпатичным, веселым и очень подвижным малышом.

Им предстояло переехать в Лондон – так было удобно Дереку, приложившему невероятные усилия, чтобы одновременно работать и закончить досрочно Университет. Приход отца Фредерика из-за его болезни давно отдали другому пастору, и теперь фон Лансдорфов ничто не задерживало в Оксфорде. Дерек уже продал их дом, до конца расплатившись этими деньгами за лечение отца, и нашел на окраине Лондона недорогие меблированные комнаты в пансионе миссис Астер. Его друг Гарсиа тоже снял каморку в этом же пансионе, поскольку оба юноши теперь вместе зарабатывали на хлеб музыкой. Отец Фредерик был как всегда недоволен, все время ворчал: – Конечно, теперь ты все решаешь, сынок. Твой отец – калека. Я уже почти смирился с тем, что мой сын разжигает людские страсти музыкой. – Ну а вы бы, разумеется, предпочли лучше с голоду пропадать, не так ли? – с легкой иронией, но совершенно невозмутимо заметил Дерек. – Собирайтесь, отец, сейчас приедет Гарсиа и поможет вам спуститься. Я ухожу, играю сегодня на одном светском рауте, увидимся в Лондоне. Отец Фредерик подчинился, пытаясь неуклюже прыгать на одной ноге, и стал собирать свои скудные пожитки. «Конечно, Дерек прав, – думал он, – жить в более скромном доме куда дешевле. Бедный мальчик из кожи лезет вон, чтобы нас содержать». – Клаус, ты куда? – отец едва успел ухватить за шиворот непоседливого малыша. Ребенок, заметив, что брат ушел, стремглав бросился было за ним вдогонку, но, встретив таковое препятствие, незамедлительно задал громкого реву. – Вот неугомонный, все время хочет быть с братом, – проворчал отец Фредерик и вздохнул про себя: «Что ж, Дерек ему теперь и отец и мать... Сейчас явится этот несносный испанец. Как я всегда был против этой дружбы! Вот до чего я дожил – мой сын дружит с католиком!!! Он совсем не пара моему сыну, наверняка все время по тавернам шляется. Блудник!!! Меня-то не обманешь... – на этой мысли отца Фредерика вновь посетили прежние страхи, – как бы он не сбил с пути моего сына?! – но тут же он отмел прочь свои подозрения, – да нет, разумеется, Дерек не такой. Он особенный – прекрасный сын, так талантлив, умен и трудолюбив! Я всегда боялся, что во мне проглянут черты матери – ан нет! А вот Дерек совсем не похож на нас с Эльзой. Это наследственность, – отец Фредерик устало вздохнул и посмотрел на каминные часы в ожидании Гарсиа, которого все не было, – зато Клаус, как видно, будет моей копией», – подумал он, поглаживая плачущего сына по белокурой головке и успокаивая его. Внизу раздался стук.

– Открыто, – сердито крикнул отец Фредерик.

По лестнице послышались шаги, и вот на пороге появился Гарсиа, а с ним еще два парня.

– Добрый день, ваше преподобие, – поздоровался Гарсиа.

– Кому добрый, а кому и недобрый, – пробормотал в ответ отец Фредерик.

Гарсиа ничуть не обидевшись на такой ответ, ибо он давно изучил нрав отца Дерек, велел парням выносить вещи, а сам посадил одной рукой Клауса на плечо, предложив другую его отцу. С силой опираясь на его руку, отец Фредерик пошел к лестнице, но вдруг остановился.

– Вы не могли бы подождать... всего минуту...

– Конечно, ваша милость, – почтительно ответил Гарсиа и из скромности отвернулся.

Отец Фредерик окинул взглядом комнату, в которой они с Эльзой провели много лет. Вещи уже вынесли, и она как будто осиротела.

Остались лишь каминные часы, которые он забирать не захотел, тем самым символизируя для себя начало нового времени и другой, быть может еще более тяжелой, но все же новой жизни. «Хоть и не было у нас богатства и должного положения в обществе, но мы были счастливы здесь. Теперь никто уже не вернет мне это время», – скорбно подумал он и сказал вслух:

– Идемте, молодой человек.

На улице его ждала крытая повозка, уже заполненная их вещами. Отец Фредерик сел в нее не оборачиваясь. Гарсиа посадил туда же своих друзей и Клауса, а сам прыгнул на козлы вместо кучера, и повозка тронулась.

Вечером следующего дня Дерек спешил домой. «Как они там, на новом месте? – тревожился он, представляя сколько недовольства выкажет его отец, – он стал настоящим брюзгой». Но Дерек любил своего отца, а потому старался всегда угождать ему. Вот и сейчас он нес приличную, по его мнению, сумму денег, заработанную всего за один день. По такому случаю он успел забежать в лавку старьевщика и купить давно присмотренного там, почти нового деревянного коня-качалку для Клауса.

Придя в пансион миссис Астер, он уплатил ей еще за месяц вперед, хотя до этого заплатил за два. «Никогда не знаешь, будут деньги или нет – так надежнее», – подумал Дерек, решив, что с этой суммы сможет отправить еще кое-что в Дрезден для Вильгельмины и теток отца Урсулы и Бенигны, которых он никогда не видел, но с болезнью отца и эта обязанность – высылать родственникам хоть какое-то содержание, тоже легла на его хрупкие плечи.

Зайдя в их теперь комнаты, он заметил, что отец уже более или менее обустроился, разложил вещи. Видимо напуганный долгим переездом, Клаус с радостным криком бросился к брату навстречу.

– Это тебе, – сказал Дерек и поставил на пол коня-качалку.

Клаус вначале даже замер от восхищения, зато когда брат усадил его на коня и начал раскачивать, малыш зашелся восторженным визгом. Отец Фредерик сердито покачал головой и застонал:

– Мы что же, теперь богачи? Тратить деньги на баловство, когда иной раз в доме есть нечего!

– Не преувеличивайте, отец, – улыбнулся Дерек, – сегодня, например, на ужин у нас будет жаркое!

– Какое-такое жаркое, – продолжал брюзжать отец.

– Самое что ни на есть лучшее! Сейчас я спущусь на кухню к миссис Астер и сам приготовлю его. С нами еще и Гарсиа будет ужинать, – весело ответил сын и побежал вниз по лестнице.

– Тьфу, – раздраженно сплюнул отец Фредерик, при мысли, что в который раз придется сидеть за столом с католиком.

Пожинав, Дерек принялся внимательно рассматривать их комнаты. Они состояли из просторной гостиной, где он рассчитывал принимать музыкантов, и двух маленьких смежных спален: одной для отца и другой для него с Клаусом, из которой вела лестница на небольшой чердачок. Оглядев, таким образом, все вокруг Дерек пришел к выводу, что их новое жилище не так уж плохо.

Глава 5

С тех пор прошло чуть больше года. Дела юного фон Лансдорфа шли неплохо. Помимо написания музыки, в основном он зарабатывал тем, что давал уроки детям из богатых семейств. Дерек иногда неприязненно вспоминал, как год назад его рекомендовали к дочери одного виконта, но та, увидев Дерек, отказалась. Отец даже кричал на нее:

– Хочешь учиться музыке или тебе нужен тайный кавалер? Отвечай!

Избалованная девица отвечала:

– Тайный кавалер не нужен, но учитель должен быть симпатичным!

Не дожидаясь, чем закончится их перепалка, Дерек ушел. «Была бы еще сама красавица, а то...» – обиженно думал он. Зато новый знатный покровитель Дерек граф Джерси с дочерьми, оценили его талант по заслугам. Да и не только они, а также граф Фальмут, граф Берлингтон и герцог Чандос. Двое последних, правда, все-таки отдавали предпочтение Генделю. Гендель писал одну оперу за другой, а у молодого фон Лансдорфа душа не лежала к ней. Тем более, отец Фредерик непрестанно твердил сыну, что если тот осмелится взяться за подобное и переступит порог обители сатаны (так он называл театр), то он – его несчастный отец, сразу умрет.

Опера тех лет – опера-сериа, то есть серьезная опера, возникла в Италии. В Англии отечественной оперы, как таковой, не существовало. Композиторы, певцы, музыканты в основном были итальянцами. Сюжетами для такой оперы служили легенды о рыцарях, похождения языческих богов, античные мифы и тому подобные персонажи.

Основой для оперных либреттистов служила классическая драма, но, вообще-то говоря, драматические достоинства в такой опере были на последнем месте – смысл ее заключался в пении. И хотя Гендель жил некоторое время в Италии, его опера для англичан была немного тяжеловесна, как и вся его музыка. Их привлекала в музыке итальянская легкость и это, в отличие от Генделя, прекрасно понимал Лансдорф.

К тому же он, родившийся в Англии, гораздо лучше недавно приезжего немца Генделя знал вкусы англичан. Дерек писал в основном церковную музыку, но наряду с ней симфоническую, а также многочисленные фуги, токкаты, сюиты, органные прелюдии, оратории на евангельские темы и разную концертно-инструментальную музыку.

Граф Джерси предлагал Лансдорфу для проживания часть своего особняка в центре Лондона, но он отказался, зная и помня о том, как поступили с их семьей через два года их переезда из Дрездена. Дерек не любил от кого-то чрезмерно зависеть и предпочитал справляться с трудностями самостоятельно, никогда не влезая в долги. Юношу частенько угнетала мысль, что будучи дворянином, сыном барона, ему приходится быть на положении слуги у английских аристократов. Но оставалось только смиряться, так как нужно было содержать семью.

Однако гордыня не была его отличительной чертой. У него имелась редкая во все времена добродетель – принимать судьбу спокойно и безропотно, а окружавших его людей такими, какие они есть, чем никогда не смог бы похвастаться его отец. А еще, в отличие от отца, Дерек не испытывал совершенно никакой ненависти ни к католикам, ни к евреям, ни ко всем тем остальным, которых отец Фредерик считал исчадиями ада, но скрывал это от него, дабы не вызывать его негодования по этому поводу.

У Дерек было трое довольно близких друзей небогатого происхождения, о которых упоминалось выше – Алонсо Гарсиа, Эндрю Пирсон и Энтони Дрэнк. Фон Лансдорф, общаясь с ними на равных, хотя и держался прямодушно и честно, но в силу своего скрытного характера был весьма сдержан и строг во взглядах. А друзья любили Дерек, иногда, правда, посмеивались над его пуританским нравом, но всегда точно знали, где находится грань, которую переступить нельзя.

Глава 6

Итак, теперь мы можем вернуться к началу нашего повествования. В то самое утро Дерек, несмотря на усталость, чувствовал радость от того, что теперь имел иногда право на отдых. Был субботний день, и он собирался прогуляться с друзьями в парке, а пока выдалось свободное время, решил немного вздремнуть. Несколько часов пролетели незаметно и в дверь постучались.

– Кого еще несет? – недовольно спросил отец Фредерик.

– Это ко мне – Гарс, наверное, – просыпаясь, ответил Дерек и встал, чтобы открыть дверь.

– Приветствую всех! – весело пропел, заходя, Гарсиа и поклонился в сторону отца Фредерика, – ваше преподобие, мое почтение.

Тот, лежа в постели, закричал и отвернулся к стене.

– Ну что же, идем? – спросил Гарсиа.

– Идем, идем, – Дерек потер заспанные глаза, – удивляюсь, как ты можешь совсем не спать?

– Да как же можно спать в такой день? Выгляни на улицу! Сегодня в парке будет интересно, столько девушек там собирается только в субботу. Сколько красавиц! Выбирай любую и можешь до зари...

Отец Фредерик не выдержал и дрожа от гнева произнес:

– Как вы смеете в моем присутствии такое говорить?! Может здесь и бедно, но это порядочный дом, вы слышите, порядочный!!!

– Все, идем, – Дерек наскоро собрался, надел второпях парик. – Отец, не волнуйтесь, мы скоро вернемся. Клаус пойдет с нами, а вы отдохните пока.

– Я вижу ты хочешь, чтобы он вырос развратником, – забрюзжал Фредерик, – бери его, бери, пусть смотрит... Прошу тебя не позже чем через три часа быть дома, иначе я буду очень сильно волноваться!

– Да, хорошо, – ответил сын уже из-за двери и с укором спросил у Гарсиа, – ну зачем ты постоянно дразнишь его? Он пожилой уже, больной человек.

– Прости, Ланс, не удержался, – со смехом ответил Гарсиа. – Не понимаю, как ты его терпишь?

– Не забывайся – он мой отец, – строго ответил Дерек.

– Все равно ему следует относиться к тебе более уважительно, – не унимался Гарсиа, – они с Клаусом на твоём полном иждивении уже столько лет!

Лансдорф в ответ только покачал головой. Он знал, за что отец ненавидит его друга. Гарсиа был католиком и неисправимым ловеласом: любил веселье, вино и конечно, женщин. Ему шел двадцать первый год. Родом он был из Испании, но родился в Англии. Его родители иммигрировали, как и родители Лансдорфа. Статный, высокий красавец-брюнет с копной непокорных, вьющихся волос – даже на улице женщины останавливали на красивом испанце томные взгляды. Дерек казался рядом с ним жалким заморышем. Кроме того, Гарсиа был ужасным забиякой, часто затевая драки в тавернах. Но он был хорошим музыкантом и прекрасным товарищем. Лансдорф всегда мог на него положиться – Гарсиа был человеком слова. Более того, несмотря на разность характеров и привычек дружба между ними была настолько сильна, что они позволяли себе обращаться друг к другу на «ты» и иногда даже прозвищами, исходящими из их фамилий: Ланс и Гарс, ведь они дружили с детского возраста. Достаточно им пришлось испытать недетских горестей – голод, одиночество, нищету и многие другие невзгоды. Родители Гарсиа были простолюдинами и умерли от тяжелого труда. Долго болела, а затем тоже умерла единственная его сестра. Бедный, одинокий мальчик, играл в таверне на скрипке и работал слугой у мясника, убирая грязные отходы. Его единственной отрадой в те нелегкие дни

было понимание и поддержка друга – сына пастора Лансдорфа. Один лишь Дерек, несмотря на низкое происхождение Гарсиа, считал его равным себе, помогал в уходе за сестрой, а затем помог и с ее похоронами на деньги, получаемые от лорда Болингброка. Хотя, как уже отмечалось выше, от своего отца он это скрывал, поскольку тот запрещал ему общаться с мальчиком-католиком, но он все равно делал это, ведь никто другой никогда не проявлял доброты к сироте. Позже, когда и для Дерекана наступили тяжелые времена, Алонсо готов был отдать всего себя, лишь бы помочь другу: и с больным отцом и с воспитанием Клауса. Дерек, когда они еще жили в Оксфорде, сдавал комнаты на первом этаже в их доме, но этих денег едва хватало на лечение отца, кормилицу для Клауса и служанку, смотревшую за ними обоими в отсутствие Дерекана. Его же заработки были нерегулярны, и он, порой отдав последнее семье, ходил ночью по помойке, находившейся за рынком. Туда выбрасывали стухшую квашеную и свежую капусту, которой он рассчитывал напитать свое вечно голодное брюхо. Там же он искал обрывки грязной бумаги, чтобы было на чем писать музыку – хорошую бумагу приходилось экономить, и надо было хоть как-то прилично одеваться, ведь он учился в Университете. Общипывая с тухлых кочанов листья получше, он приносил их домой и варил в воде, добавляя горсть муки и ложку растительного масла, если таковые ингредиенты могли отыскаться в его доме. Дерек хлебал эту жижицу и писал одной рукой музыку, а другой укачивал младенца, закусывая прокисшей квашеной капустой.

Однажды ночью у рынка на него напали какие-то бродяги, грабившие припозднившихся путников. Ничего не найдя у нищего юноши, они от ярости избили его почти до смерти. Дерек лежал в луже крови и сквозь затуманенные от боли мысли думал о том, что не имеет права сейчас умереть, и тем самым бросить больного отца и младенца-брата на произвол судьбы. Он был сильным – да, сильным, несмотря на хилое телосложение и потому смог доползти до дома. Да, многое они пережили вместе, и только одного не понимал отец Фредерик – сбить его сына с пути вряд ли кому возможно. Дерекану претил образ прожигателя жизни, который вел Гарсиа, он думал постоянно о своей семье, о музыке и, главным образом, о том, как ему стать полноценным членом того общества, к которому он должен был бы принадлежать по праву рождения, но в силу своей профессии, это оставалось пока за гранью его возможностей.

Как-то раз друзьям все-таки удалось затащить Дерекана в таверну, где были доступные женщины. И вот, в разгар веселья, когда Гарсиа уже млеет в объятиях очередной красотки, к нему подошел Пирсон и со смехом сообщил, что Лансдорф сидит в углу и увлеченно пишет сонату на клочке грязной бумаги. Друзья потом долго смеялись над ним, а он, не обижаясь и не осуждая их, действительно не понимал, как такие хорошие музыканты и, вобщем-то неплохие парни, могут столь отвратно проводить время. А распутными женщинами Дерекан настолько сильно брезговал, что никогда бы не притронулся ни к одной из них. Но он и их не осуждал, а жалел, недоумевая, почему им нравится жить в нечистоте. Но таковые размышления не находили понимания у его друзей.

Помимо участия в симфоническом оркестре, их квартет нередко играл на приемах у аристократии. Главным среди них был Лансдорф, так как только он писал музыку и мог играть, смотря по надобности, практически на любом инструменте. Гарсиа был скрипачом, Дрэнк – виолончель, Пирсон играл на духовых.

В свободное время Гарсиа и Пирсон прогуливались в королевском парке. Их увлечением было созерцать девушек знатных фамилий и других титулованных особ. Им нравилось собирать светские сплетни. Гарсиа надеялся, что какая-нибудь знатная девица или дама обратит на него внимание, а он-то уж тогда точно не оплошает! Пирсону же нравилось потешаться над некрасивыми девушками – дочерьми графов и герцогов. Иногда Пирсон в шутку говорил Гарсиа что-то вроде:

– Скажите, Гарсиа, а если вон та толстуха с белой лентой в волосах? За какое приданое вы бы взяли ее в жены?

– А вам, Пирсон, тогда вон ту, косую, – отвечал Гарсиа, – никогда не понятно, куда она смотрит.

– Ну ладно, отомщу, – хохотал Пирсон.

Лансдорф никогда не участвовал в этих словесных баталиях. Он считал недостойным занятием смеяться над людьми вообще, тем более, если речь шла о дамах. Но все же, он иногда прогуливался с ними, главным образом ради Клауса, ведь тот почти всегда играл только во дворе пансиона из-за его постоянной занятости, да и отцу хотелось дать немного отдохнуть – Клаус был очень шумным и непоседливым. К тому же в парке красиво пели птицы, а это обстоятельство являлось большим вдохновением для написания Лансдорфом все новой и новой музыки.

Дрэнк редко составлял компанию друзьям в их прогулках, во-первых, по причине своего угрюмого характера. Во-вторых, забавы Гарсиа и Пирсона были ему уже не по возрасту, а в третьих, он сожительствовал с некой содержательницей бакалейной лавки, которая была старше Тони на добрых десять лет и постоянно за ним следила.

Они все время ссорились, он много раз пытался уйти от нее, но победа всегда оставалась за его воинственной возлюбленной.

Итак, когда братья фон Лансдорф и Гарсиа подошли к воротам парка, их там ожидал Пирсон. Зайдя в парк, друзья неспешно пошли по длинной прямой аллее. На одной из лужаек фехтовали двое юношей.

– Хотел бы я иметь право на ношение шпаги! – воскликнул Гарсиа. – Уж я показал бы тогда некоторым заносчивым нахалам!

«А я вот как раз имею такое право» – подумал про себя Лансдорф. – «Надо будет все-таки научиться фехтовать. Мало ли что. Если бы мой дед узнал, что я сроду шпаги в руке не держал, разве только отцовскую, да и то в шутку, наверное еще раз бы умер». А вслух сказал:

– Да на что она тебе, Гарс? Ты в конце концов был бы убит на какой-нибудь дуэли.

– Ну и пусть! – бесшабашно ответил его друг.

Не став его разубеждать, Лансдорф погрузился в свои мысли, в его голове уже звучала новая мелодия. Вскоре они нашли небольшую лужайку возле пруда, и расположились отдохнуть в тени на скамейке. Друзья Дерекса оживленно обсуждали романы светских львиц, но он не слушал их, рассеянно наблюдая, как посреди лужайки играли в мяч двое девушек, и с ними были мальчик и девочка – подростки.

Рядом на траве сидела малышка лет двух. Чуть поотдаль стоял роскошный фаэтон⁷. В нем, в окружении камер-лакеев, со скучающим видом сидели какой-то господин и дама, являющая своей внешностью причудливо-невозможную помесь рыбы и лошади. Они наблюдали за играющими детьми.

По нарядам девушек было ясно, что они принадлежат к высшей аристократии. Одна из них была маленькой худенькой блондинкой. Ее черты можно было бы назвать совсем заурядными, если бы не ослепительная улыбка, которая не сходила с ее губ и придавала личику очарование молодости и веселья. На ней было надето голубое атласное платье, отделанное кружевами и такая же шляпка, удивительно гармонирующая с ее белокуро-пепельными волосами. Другая девушка была среднего роста. Ее великолепное зеленое платье, отороченное кружевом и драгоценными камнями, плотно, хотя и не вызываясь обтягивало торс. Личико ее было еще совершенно детским, но девушку в ней выдавали слишком развитые, в нужных местах, формы, а темные каштановые волосы были собраны на макушке в незатейливую прическу, которую скреплял большой гребень, усыпанный бриллиантами. Малышка, сидевшая на траве, поднялась, и неуклюже передвигая еще неокрепшими ножками, подбежала к этой девушке и стала проситься к ней на руки и когда добилась своего, потянулась ручонками к ее сверка-

⁷ Фаэтон – открытая карета без верха.

ющему разноцветными огнями на солнце гребню. Девушка, весело смеясь, сопротивлялась. Наконец, девчужке удалось сорвать с нее желанную добычу. Густые крупные кудри рассыпались как волны по плечам и спине девушки почти до самой земли, закрыв собой ее красивое платье. Держа ребенка на вытянутых руках, она закружилась на месте, словно бы под музыку. Девушка-блондинка что-то весело запела, а мальчик с девочкой, бросая друг другу мяч, запрыгали вокруг, заразившись их весельем. Лансдорф окаменел. Нельзя сказать, что он никогда не смотрел на девушек и не думал о них, но эта, с каштановыми кудрями, совершенно поразила его воображение. «Вам – эту» – как эхо донеслись до него слова Пирсона, сказанные для Гарсиа, в сторону пожилой хромой виконтессы. – А мне – эту, – почему-то вслух произнес Дерек, продолжая смотреть как заколдованный на кружащуюся девушку. Друзья резко замолчали и повернулись к нему. Лансдорф вышел из оцепенения и от смущения покраснелся. – Ого! – присвистнул Гарсиа, увидев, как засмотрелся их приятель. – Наш тихоня, кажется, проснулся. Ему! Да ты хоть знаешь, кто это?! В тот же миг из фэтона раздался строгий голос дамы с лошадиным профилем: – Немедленно поправьте прическу, миледи!

Девушка с каштановыми волосами остановилась и резко обернулась в сторону кареты. Мальчик, игравший с мячом, неловко его подбросил, и он покатился в сторону, где гулял Клаус. Потеряв интерес к мячу, мальчик пошел навстречу приближавшемуся к ним всаднику. Поднимать мяч пошла девушка-блондинка. Клаус схватил мяч и подал его ей.

– Какой прелестный малыш, – спросила с улыбкой юная леди, – чей он?

– Мое почтение, миледи, это мой брат, – учтиво склонив голову, ответил Лансдорф быстро подходя к ним, и взял Клауса за руку.

– Очень милый ребенок! Хочешь, я подарю тебе этот мяч? – спросила она у Клауса.

– Хочу!

– Клаус, немедленно перестань! – зашипел на него Дерек, и тут увидел, что к ним идет девушка с каштановыми волосами, которые она успела небрежно закрепить на затылке. Большой гребень едва выдерживал их тяжесть. Теперь Дерек мог разглядеть ее вблизи. Черты лица девушки были достаточно правильными: точеный носик, нежная, точно фарфоровая кожа с легким румянцем. Ее волосы казались сотканными из шелка, а красиво очерченные брови вразлет – из бархата. Необыкновенной красоты глаза с длинными и такими же бархатными, как брови, ресницами были ярко-зелеными, гораздо ярче платья на ней надетого.

У Лансдорфа перехватило дыхание. Но что особенно было примечательно в ней, так это какая-то неподвижность лица. Ее черты казались застывшими, глаза смотрели не мигая. Если бы она не двигалась, Дерек мог бы поклясться, что перед ним прекрасная фарфоровая кукла, сделанная искуснейшим мастером. Он был уверен, будто уже где-то видел такое лицо.

– Идем, Долли. Оливер приехал за нами, – сказала она.

Молодые люди почтительно склонились.

– До свидания. У вас очень миленький братик, – любезно кивнула белокурая леди онемевшему Дереку и, взяв под руку свою спутницу, направилась к карете.

– Такой приятный благовоспитанный юноша с маленьким братом... – начала было она, но красавица пренебрежительно хмыкнула:

– Да какой там еще приятный? В этакое дурацком, всклокоченном парике, – девушка с явной неприязнью посмотрела в сторону фэтона, – смех вызывает, и ничего более, – добавила она, однако, даже без тени улыбки.

Эти слова донеслись до ушей Дерекка. Похоже, красавицу совершенно не волновало, слышал он их или нет. Она толком не удостоила взглядом никого из молодых людей. Лансдорф стал машинально приглаживать парик.

– У-у-ух, ну и ну! – выдохнул Гарсиа, завороченно глядя им вслед.

– Скажи мне, – спросил его Дерек, – ты ведь все про всех знаешь.

Кто эта девушка?

– Которая из них? – хитро прищурился тот. – Блондинка?
– Да нет же – та, что похожа на фарфоровую куклу.
– А ведь вы считаете нас сплетниками, ваша милость, и вот вам наказание – ничего не скажу!

– Я такого никогда не говорил.

– Не говорил, но думал!

– Да ничего я не думал. Ну скажи хотя бы, как ее зовут?

– Ладно Гарсиа, говорите, не мучьте его, не то я расскажу, – вмешался Пирсон.

– Так и быть, – великодушно провозгласил Гарсиа, радуясь возможности распустить язык. – Так, значит, слушай. Это дочь самого всесильного герцога Нортумберленда. Из-за слишком большой знатности, у нее и слишком длинное имя, я точно не знаю какое. Во всяком случае, ее официальное имя леди Эллен Эдуарда Перси, ну а неофициально ее частенько называют герцогиней Нортумберленд-младшей, из-за известно трепетного отношения к ней отца. А блондинка – ее компаньонка, воспитанница герцога, дочь какого-то умершего нищего лорда. Ее зовут леди Долорес Флеминг.

– Я не видел их раньше в этом парке, – заметил Лансдорф.

– Да, они бывают здесь крайне редко, – согласился Гарсиа. – Рассказывают, что недавно, в честь шестнадцатилетия дочери герцог закатил та-акой праздник! – он округлил глаза как бы в знак чего-то необыкновенно великого. – Сам король был во главе праздничного стола. Леди Перси, несомненно, самая богатая и знатная невеста во всей Англии! А может и не только Англии, ведь ее родная сестра – французская принцесса, а дядя – испанский принц.

Количество претендентов на ее руку как у нас, так и за пределами страны огромно!

– И это один из них? – спросил Лансдорф, увидев как леди Перси, не пожелав сесть в фаэтон с остальными, прыгнула на лошадь к всаднику, оказавшемуся при ближайшем рассмотрении миловидным господином лет около тридцати.

– Да нет же, – удивленно ответил Гарсиа, – это ее брат, граф Перси. Неужели ты не заметил герб на карете и не знаешь в лицо графа?

Их род один из самых древних в Англии. Поговаривают, что герцогиня Нортумберленд смертельно больна, поэтому они редко выезжают.

– Граф Перси – сын герцога Нортумберленда?! – изумился Дерек. – Но как такое возможно? Конечно же, я слышал об этом семействе, но думал, что граф Перси брат Нортумберленда. И сколько тогда лет герцогу? Каким образом сын может быть в одних летах с отцом?!

– Лучше об этом ничего не спрашивай, – ответил Гарсиа, набожно перекрестившись.

В памяти Лансдорфа вдруг всплыл его первый выход в свет: они с отцом у королевского дворца и юный тогда граф Перси с «куклой» на руках. Вспомнив, что сказал при этом отец, он с ужасом содрогнулся и подумал: «но этого не может быть!».

Вечером, после ужина, Фредерик спросил у сына:

– Ты сегодня задумчивый какой-то. Есть причина?

– Да нет, просто, наверно, переутомился.

– Так ложись спать, отдохни.

Уложив Клауса, Дерек лег в постель. Ему не спалось. Перед его глазами неотступно стоял образ прекрасной девушки с кукольным личиком и длинными развевающимися волосами. Она кружилась в такт накануне написанной им сонаты. Он подумал о герцоге Нортумберленде, которого недавно видел мельком, играя на одном приеме. От холодного взгляда этого красивого мужчины многим почему-то становилось не по себе, хотя наружность его была прекрасной, даже немного женственной, а манеры изящными. Герцог слыл жестоким и опасным человеком, начисто лишенным всяких сантиментов. Многих придворных пугала возможность быть врагом герцога, ибо к таковым он бывал беспощаден. Когда ему было двадцать восемь лет, он

уже имел чин адмирала, заслужив его не происхождением, а своими военными успехами, и с тех пор по настоящее время занимал пост первого лорда Адмиралтейства и главного члена правящего кабинета. Король во многом зависел от его мнения, возможно не без трепета сознавая, что, в некотором роде, занимает его место. Отец герцога Нортумберленда вел свой род аж от Малколма Третьего⁸, а мать была испанской принцессой Изабеллой Арагонской. При королеве Анне, чья болезненность не оставляла сил заниматься политикой, он управлял государством, фактически был королем. Очень многие желали видеть герцога Нортумберленда на английском престоле, но королева боялась герцога, может потому и назвала своим наследником ганноверского родственника. «Почему я не какой-нибудь влиятельный герцог или принц, а всего-навсего сын разорившегося немецкого барона, да еще и собой столь непригляден? – с горечью подумал Дерек. – «Проклятая нищета! Господи, как... ну как же мне вырвать нас из такого жалкого положения?!». Он тотчас же удивился своим мыслям. В его жизни бывали очень непростые моменты, но он никогда не жаловался и не роптал. Бедный юноша не мог уснуть – теперь он узнал, о ком ему последнее время постоянно твердила его ученица леди Мэри Вильерс, дочь графа Джерси. Она хотела представить его дочери герцога Нортумберленда, убеждая, что девица эта невероятно искусна в игре на скрипке и на некоторых других инструментах. Даже пишет музыку! Лансдорф в душе совсем не жаждал этого знакомства, представляя себе напыщенную, гордую как герцог, и почему-то непривлекательную девицу, которая благодаря могуществу и богатству папаши корчит из себя композиторшу, хотя, возможно, не имеет даже слуха. Думал он так потому, что нередко с этим сталкивался. Общаться с высшей аристократией и заниматься с их детьми было настоящим мучением – различного рода унижений, порой, бывало свыше меры, но, как ни странно, получать приличные гонорары Дереку от них приходилось редко. Очевидно они полагали, что таким как он вполне достаточно того, что они удостоили его своим вниманием. Хорошо платили в основном те, кто не имел громких титулов и действительно разбирался в музыке. А еще Мэри говорила, что дочь герцога знакома с его музыкой и хочет, чтобы его ей представили. Несколько раз ему удавалось этого избегать. Теперь же, при мысли о возможном знакомстве с леди Перси, щеки юноши залил яркий румянец. «Эллен Эдуарда!» – повторял он ее имя, и оно словно прекрасная мелодия звучало у него в голове. «Но до чего она похожа на отца, просто одно лицо, бывает же такое! Люди-куклы! А вот я, как было видно, совсем ей не понравился», – с тоской подумал он.

⁸ Малколм Третий Кэнмор (1057–1093) – шотландский король.

Глава 7

В Англии на верхней ступени социальной лестницы стояли герцоги, которые в любой другой стране титуловались бы принцами. По роскоши и величелию их имения превосходили дворы союзных монархов, получавших денежную помощь от Англии. Именно таким дворцом и был Сайон-хауз, который принадлежал герцогу Нортумберленду. Этот чудо-дворец стоял на самом западе Лондона, на берегу Темзы. Еще недавно здание окружали старинные тюдоровские сады, но герцог велел их переделать и пригласил для этого ландшафтоустроителя Брауна, уроженца Нортумберленда, который уже работал в его замке Алнвик – роскошной резиденции в Нортумберленде, недалеко от южных границ Шотландии, доставшейся нынешнему герцогу по наследству от далеких предков. Браун создал новый стиль, заменив сад зеленой травой, газоны стали подходить прямо к дому; спроектировал цепь озер, и высадил деревья группами, расположив их так, чтобы они выглядели естественными. На территории поместья насчитывалось более 200 деревьев, множество редких и интересных растений, часть которых считалась аптекарским огородом леди Перси – она была увлечена медициной. Имелись там и кусты, высаженные лабиринтами, в которых человек мог легко заблудиться, а его перемещения можно было весело наблюдать из окон дворца с восточной стороны.

Был у Нортумберленда в Лондоне и другой прекрасный дворец, на западе улицы Стрэнд – Нортумберленд-хауз, но герцог всегда предпочитал ему Сайон-хауз.

– Отец! Я настоятельно прошу вас запретить графине делать мне язвительные замечания, тем более при посторонних лицах, раз уж ваш сын не в состоянии сделать этого! – запальчиво произнесла леди Перси, вернувшись в Сайон-хауз после прогулки в Сент-Джеймском парке.

Глаза герцога на мгновение потемнели от злости, но тут же наполнились теплотой, глядя на дочь. Эллен Эдуарда была его любимой младшей дочерью. Ей он позволял много того, чего не позволил бы другим своим детям. Не раз герцог горько жалел, что она не родилась мужчиной. Он считал своего сына графа Перси недалеким человеком, и ему было жаль, что его преемником будет он, а не Эллен Эдуарда.

Ничего не ответив дочери, Нортумберленд величаво удалился в свой кабинет, который находился на втором этаже дворца и где добрая половина залов считалась его личными покоями. Кабинет его был небольшим, но обставленным с большим вкусом и комфортом. Большой письменный стол, со множеством отделений для бумаг и прочих принадлежностей был вырезан из ценного красного дерева и украшен искусной резьбой; размещался он у окна, напротив двери. К камину было придвинуто огромное кожаное кресло, а рядом находился столик, на котором лежало несколько книг в дорогих переплетках, и стоял массивный подсвечник из чистого золота, который, возможно, помнил еще прадеда нынешнего герцога. У стены напротив камина стоял буфет, вырезанный и украшенный резьбой точно такого красного дерева, что и стол. Светло-зеленые шторы гармонировали с дорогим персидским ковром того же оттенка. Стены украшали обои изумрудного цвета – последний крик моды XVIII века, поскольку обои в то время изготавливались только в Англии и во многих дворах Европы считались непозволительной роскошью. А цвет этих обоев был тоже не случайным, ведь цветом рода герцога Нортумберленда из покоя веков был зеленый.

Рядом с буфетом находилась дверь, ведущая в библиотеку герцога.

Библиотека представляла собой длинную галерею с окнами в сад в таких же изумрудных обоях, а по всем стенам стояли высокие стеллажи, плотно заставленные ценными фолиантами и книгами. Между стеллажами стояло несколько столов, накрытых зеленым бархатом, на которых красовались подсвечники в виде фигур античных богинь; всегда были писчая бумага и несколько чернилниц с перьями. Вход в библиотеку был возможен только с личного разрешения герцога, пользоваться же ею беспрепятственно могли только его сын и младшая дочь.

Герцог зашел в свой кабинет, уселся поудобнее за письменный стол, взял перо и чистый лист бумаги и истово принялся писать письмо. Он, как всегда, был немногословен: текст письма, написанный его ровным, твердым почерком не занял и половины странички. Отложив перо, герцог застыл, неподвижным взглядом созерцая огонь в камине, у которого грелись два великолепных черных доberman. Прекрасный, расшитый шелком зеленый кафтан изящно подчеркивал статность его фигуры. Каштановые кудри до пояса, которые раньше он только пудрил, стали совсем седыми и теперь герцог носил парик, который выгодно подчеркивал красоту и неестественную молодость его лица: лишь одна морщинка пересекала его волевым, упрямый лоб, а красивые зеленые глаза, по какому-то капризу судьбы не трогало время, но ведь именно глаза, как правило, выдают истинный возраст человека.

Взглянув на его лицо нельзя было представить, что ему больше тридцати лет, тогда как на самом деле герцогу давно перевалило за пятьдесят. Живи он век-другой назад, как знать – не запыхал бы над ним огонь инквизиции? В те времена любое отклонение от нормы или инвалидность считались проявлением дьявольщины. Но и в просвещенный восемнадцатый век при дворе короля находилось немало таких, которые считали его внешность плодом сговора с дьяволом. Он никак не реагировал на такие слухи о себе, которые в реальности не имели под собой почвы – герцог никогда не думал о подобном и вообще был далек как от темных сил, так и от религии, но скрывал последнее под маской общепринятых приличий. Не имея ни малейшего понятия о причине своего замедленного старения, Нортумберленд относил это необычное явление к странной наследственности – внешность его матери тоже долго не позволяла определить ее настоящий возраст. Она резко постарела лишь незадолго до своей кончины. И было очевидно, что эту странность из троих его детей унаследовала одна младшая дочь.

Герцог неотрывно продолжал смотреть, как в камине полыхают огромные бревна. На него вот уже который раз за последнее время нахлынули воспоминания – о том далеком, когда он еще не был герцогом Нортумберлендом, а только его младшим сыном.

Он – Эдуард Джордж Хьюго Эджерон, носивший с младенчества титул графа Перси, был очень образованным юношей и таким искусным дипломатом, что в двадцать два года его направили послом в Россию. Будучи не только одаренным от природы, но и упорным, Эдуард легко постигал многие науки, знал несколько иностранных языков и достаточно хорошо владел русским, обходясь без переводчика. Унаследовав от матери-испанки свою удивительную для мужчины красоту, он не унаследовал ее пылкой чувственности, обладая трезвым и холодным рассудком. Молодой Перси питал отвращение почти ко всему, что не касалось политики, в особенности к азартным играм и музыке. Красота Эдуарда была какой-то кукольной и даже женоподобной, но это скрашивалось его высоким ростом и могучим телосложением. Придворные дамы замирали, глядя в зеленые глаза молодого посла, но к женщинам, как и к вину, которое лилось рекой на царских застольях, Эдуард не имел особого пристрастия. Впрочем, помимо политики у него была еще одна страсть – разводить лошадей и охранных собак-доберманов. Был у него и любимый пес, с которым он не пожелал расстаться и привез с собой в Россию. К людям же граф Перси относился с настороженностью, никогда не допуская ни с кем доверительных отношений и любого проявления фамильярности. Он был горд и самоуверен, на многих глядел свысока и отличался крайним честолюбием. Окружающие платили ему тем же: им не нравился необщительный, заносчивый и злопамятный молодой лорд, но эти лица, как можно догадаться, были исключительно мужского пола. Лучшими друзьями юноши всегда были книги, но справедливости ради надо отметить, что все-таки два человека могли запросто звать его Нэд⁹. Один из них был старик, которого граф ценил и уважал больше своего отца – его бывший гувернер и наставник, а теперь секретарь Оливер Грэм, джентльмен и образованнейший человек своего времени, прибывший с ним в Россию. Другим был близкий друг

⁹ Нэд – английское сокращение от имени Эдуард (Эдвард).

детства лорд Ричард Флеминг, являющий своей неукротимой натурой полную противоположность Перси. Но только у Флеминга был дар проникать в тайники его души, понимать с полуслова. Он один знал, каким на самом деле может быть его Нэд, и был бесконечно чутким и надежным другом. Эдуард, в свою очередь, постоянно порицал безнравственного Ричарда, но, нередко прочитав ему наставления, шел оплачивать его карточные долги. Перси умел помнить и добро. В годы их студенчества Флеминг спас ему жизнь: жена некоего высокопоставленного вельможи полюбила красивого юношу и настаивала на взаимности, но он отверг ее. Оскорбленная дама решила на месть и оклеветала Эдуарда перед мужем и сородичами. Сам он не придавал этому значения – подобное происходило с ним не в первый раз, зато Флеминг был иного мнения, почуяв смертельную опасность. Он ни на шаг не отходил от друга и благодаря его проницательности Эдуард не был отравлен ревнивым мужем отвергнутой им женщины.

Ричард много писал ему в Россию, не забывая при случае и поклянуть денег. Грэмм ворчал, недовольно выговаривая своему господину, называл Флеминга «бесстыдной пиявкой». Однажды Перси, подумав, выслал другу денег, но только на дорогу до Москвы, заявив в письме, что готов принять его здесь погостить за свой счет и дабы здешние морозы охладили бы его азартный пыл. Флеминг, не раздумывая, принял приглашение друга.

Но вот вскоре преданный доберман почуял перемену в настроении своего хозяина. Неладное заметили и Флеминг с Грэммом. Виной тому была девятнадцатилетняя царевна Анна, младшая из сводных сестер юного царя Петра. Анна была строго воспитанной, набожной девушкой. Эдуард впервые увидел ее выходящей из церкви после заутренней, и почувствовал неизведанное доселе волнение: из-под ее убора виднелась русая коса до земли, застенчивые светлые глаза, личико с мелкими чертами. Ее никак нельзя было назвать красавицей, зато такая непохожесть на англичанок и ангельски-кроткое выражение лица мгновенно покорили его. Но граф Перси, холодный и волевой молодой политик, вечно преследуемый женским вниманием, внутри был очень застенчив по отношению к слабому полу, что само по себе было странно, учитывая его прекрасную внешность, и о чем нельзя было догадаться по его бесстрастному выражению лица и надменному поведению. Об этой его слабости знали только Грэмм и Флеминг. Потому-то Эдуард и не посмел оказать девушке знаки внимания, ибо настоящие чувства зачастую бывают робки. Грэмм, некогда не позволивший своему воспитаннику пойти путем разврата, на который того усердно толкала родная тетушка, очарованная племянником-куколкой, всецело одобрил его выбор. Перси написал в Англию письмо отцу, с просьбой дозволить ему жениться. Разрешение было получено, и Грэмм от имени отца графа Перси просил у юного царя Петра руки его сестры Анны. Петру нравился толковый и умный сын герцога Нортумберленда, и он дал свое согласие, но с условием, что тот не будет принуждать сестру принимать протестанство и велел позвать Анну, чтобы спросить, нравится ли он так же и ей. Девушка предстала перед царственным братом и послом. Петр задал ей вопрос, желает ли она стать графиней Перси. Анна робко подняла голову. Эдуард напряженно ждал. Смутившись под пристальным взглядом зеленых глаз красавца, девушка густо покраснела и выбежала прочь. «Неужели отказ?» – испуганно обомлел посол, но Петр расхохотался и, похлопав его по плечу, сказал, что свадьбе быть.

Вскоре граф Перси с молодой женой отплыли в Англию. Год спустя их сын-первенец умер сразу после рождения, но снова через год Анна родила здоровую дочь – Маргарет, а еще через три года сына Оливера. В тот же год умер и старый герцог Нортумберленд. Ему наследовал младший сын Эдуард, так как старший – Малколм Джеймс Артур Перси давно уже жил на родине матери в Испании, получив титул принца Арагонского. Эдуард не любил своего брата и не разделял его политических взглядов. Могущество Англии новый герцог видел в союзе с Францией, недовольно оглядываясь в сторону мадридского кабинета.

«Как будто все это было вчера», – печально вздохнул герцог. Да, потом он обидел Анну, сильно обидел, не смог побороть искушения, – тут Эдуард злобно сжал кулаки, вспомнив, что

Анна отплатила ему за измену романом с герцогом Сент-Олбансом и даже пыталась уйти к нему насовсем. «Проклятое бастардово отродье¹⁰! Он не получит Анну даже мертвой!», – мысленно выругался он, но тут же подумал, что только благодаря Сент-Олбансу он понял, что тоже может испытывать достаточно сильные чувства, а именно – любовь к собственной жене.

Уже прошло десять лет, как Ричард Флеминг был убит на дуэли. Герцог с силой провел ладонью по лбу, словно стараясь отогнать горькие воспоминания, – «видит Бог, я все сделал, чтобы этого не случилось», – думал он, вспоминая, как за долги описывали имущество покойного. Жена Ричарда леди Флеминг, умерла ранее и все, что осталось от любимого друга – восьмилетняя дочь Долорес. И поскольку никто из родственников не пожелал взять в свой дом нищую девочку, Нортумберленд забрал ее к себе в качестве компаньонки к своей в то время шестилетней дочери Эллен Эдуарде и отдал на воспитание жене, тогда как Эллен Эдуарду он и его сын хотели воспитывать сами.

Да, Анна сделала его вдвойне счастливым, родив Эллен Эдуарду, поскольку наружность малышки не оставляла ни малейшего сомнения его отцовства. И стали невозможными дальнейшие отношения Анны и Сент-Олбанса. Суровый герцог сам от себя не ожидал, что может так любить. Он вспомнил, как она родилась: едва увидев новорожденную малышку, его холодное сердце окончательно растаяло – настолько сильно бросалось в глаза ее сходство с ним! «Вы произвели на свет прекрасное дитя, моя дорогая!» – воскликнул тогда он, крепко обняв не оправившуюся еще от родов жену. Анна тоже казалась счастливой, что смогла угодить мужу. Он дал девочке свое имя и имена всех самых знатных женщин в его роду: Эллен Эдуарда Анна Изабелла Катарина Анаис Элеонора Луиза Элизабет Беатрис София Кристина. Он желал, чтобы дочку сокращенно звали именем в честь него – Эдуарда! Но это не нравилось герцогине и старшим детям, которые звали малышку на французский манер, с ударением на последний слог – ЭлЕн. Никто никому не хотел уступать, и так всеобщая любимица стала обладательницей двойного имени, правда домашние все равно ее звали просто Элен. Герцог позволял это, но сам всегда обращался к дочери нежно – Нэдди, как звал и его когда-то обожаемый им и давно умерший Грэм, именем которого он назвал своего сына. И вот, с рождением Элен у них началась новая жизнь, полная радости. А теперь, спустя шестнадцать лет, герцогиня умирала. Уже с полгода ее мучила опухоль. Лучшие врачи Европы лечили ее, но все было напрасно – Анна доживала свои последние дни. При мысли об этом в зеленых глазах герцога застыли слезы. Быстро смахнув их рукой, Эдуард решительным жестом запечатал письмо, только что написанное им в Париж для принцессы Конде – она была его старшей дочерью Маргарет. Трое ее детей – Франциск герцог Ангулемский, Анна Луиза и маленькая Мария Шарлотта гостили сейчас у него. Герцог требовал в письме от дочери немедленного прибытия в Лондон, в связи со стремительно ухудшающимся здоровьем ее матери.

Внизу послышались крики. Герцог недовольно поморщился. Опять схлестнулись его дочь и невестка. Он уже втайне жалел, что принудил сына жениться на Полине – этой некрасивой, чопорной женщине с глазами рыбы и несносным характером. Но, надо заметить, своему красивому свекру Полина вовсе не казалась безобразной, а главное ее достоинство заключалось в том, что она была единственной дочерью младшего брата французского короля – герцога Анжуйского. С помощью этого брака оба герцога вынашивали свои политические планы, а лорд Оливер, недалекий политик, был очень несчастлив в супружестве. Дети могли бы хоть как-то скрасить его жизнь, но их союз оставался бесплоден. Графиня Перси всей душой ненавидела Элен, как может ненавидеть некрасивая женщина юную красавицу. Чувства девушки были взаимны, и она жалела очень любимого ею брата. Впрочем-то, у нее был не вздорный и не злопамятный нрав, но Полина умела в считанные минуты вывести из себя кого угодно.

¹⁰ Бастард – незаконнорожденный. Герцог намекает здесь, что отцом Сент-Олбанса был незаконнорожденный сын короля Карла Второго и актрисы Элеоноры Гвинн.

Герцог вышел из кабинета и спустился в нижние залы.

– Прекратите обе! – загремел он. Затем, обращаясь к дочери, произнес уже более спокойно: – Как тебе не стыдно, Нэдди, твоя мать почти что при смерти.

– Стыдно должно быть этой мегере! – с достоинством ответила та и побежала наверх по лестнице, в покои больной герцогини. Отец сокрушенно покачал головой.

Элен вбежала в спальню к матери и, подняв на ходу пышный кринолин, с размаху уселась в кресло. На кровати вместе с герцогиней сидела Долорес Флеминг, крепко обнимая свою приемную мать, и нежно поглаживала ее по голове. Рядом на столике стояла огромная ваза, в которую слуга герцогини Дэн пытался втиснуть огромный букет только что срезанных роз. В покоях леди Анны царил полумрак: плотно занавешенные окна еще более затемняли мрачноватые драпировки стен. В спальне стояла красивая мебель в стиле Людовика Тринадцатого, повсюду находились различные безделушки – шкатулки, статуэтки, а на стене висел гобелен, вытканый самой Анной. Он изображал деревенскую местность, на фоне которой стояла белокаменная церковь. Элен никогда не видела такой церкви, но знала, что она православная. Хотя герцог сдержал слово, данное когда-то русскому царю и предоставил жене право исповедовать свою веру, но запретил делать это открыто, опасаясь осуждения со стороны англиканской церкви. Герцогиня тайно крестила своих детей, а также приемную дочь Долорес, которую любила как собственную, в единственной православной церкви в предместье Лондона.

– Матушка, позвольте мне открыть шторы, здесь очень темно, – сказала по-русски Элен, желая угодить матери.

– Нет, нет, не надо, дорогая, – тихо проговорила герцогиня, – меня так раздражает яркий свет, – она запнулась, а ее лицо исказило страдание.

Ничего уже не осталось в ней от прежней Анны, только голубые глаза, ставшие огромными из-за страшной, смертельной худобы с болью и тоской смотрели на дочь. Элен захотелось рыдать. Усилием воли остановив свой порыв, она произнесла как ни в чем не бывало:

– Вам нужен свежий воздух, мама. Позвольте Дэну вынести вас в сад.

Слуга сразу подошел, изобразив готовность.

– Я сегодня не хочу на воздух, – устало сказала Анна. Дэн поправил ей подушки, усадив чуть повыше. – Я слышала, как ты ругалась с Полиной, – мягко продолжала она, – это нехорошо, недостойно такой леди как ты, Элен.

– Но мама, она же сама не оставляет меня в покое! – живо возразила ей дочь.

– Истинная правда, матушка! – подтвердила Долорес.

– Такая язва! – тяжело вздохнула Элен. – Бедный наш Нол¹¹! Отец этим браком сломал ему жизнь.

– Не говори так об отце. Он лишь хотел упрочить его положение, – неуверенно произнесла Анна, хотя в душе была совершенно согласна с дочерью. Она была против этого брака, но герцог не послушал ее и теперь матери было больно, оттого как страдает ее сын. – И все же ты не должна ссориться с ней, подумай – а может быть ей тоже тяжело? Представь себя на ее месте – одна, в чужой стране, некрасивая и никем не любимая, – голос герцогини задрожал, – никогда не порти своей души ненавистью ни к кому, доченька. Запомни это хорошенько и постарайся понять и полюбить Полину. Ведь Бог дал тебе все то, чего не дал ей – кто знает почему? Ей просто нужна чья-то любовь, я чувствую так. И ты, Долли, тоже будь с Полиной поласковой. Вы должны обе мне это обещать.

– Мы обещаем, обещаем вам, матушка, – наперебой заговорили девушки, тронутые словами матери, – мы будем стараться полюбить Полину.

¹¹ Нол – английское сокращение от имени Оливер.

Неожиданно двери открылись, и в спальне герцогини появился граф Перси, попросив сестер оставить его с матерью наедине. Девушки вышли. Спустившись вниз, в гостиную, Элен подошла к графине:

– Миледи, я сожалею, что наговорила вам столько дерзостей... – начала было она, но Полина злобно перебила ее:

– Да уж надеюсь, что впредь вы будете вести себя как подобает леди, а не уличной девке! В глазах Элен промелькнула ярость, но она сдержалась, помня о наставлениях матери.

– Вот змея! – прошептала Долорес.

Оливер уже вышел из покоев герцогини и тоже направился вниз.

Надо заметить, в спорах между Элен и Полиной он всегда был на стороне сестры. Когда родилась Элен ему было одиннадцать лет и малышка сразу пришлась по сердцу как добродушному мальчику, так и его сестре Мэгги. Маленькая живая куколка никого не оставляла равнодушным, ей даже не нужна была прислуга – все хотели повозиться с ней. Мэгги, забросив своих кукол, не спускала сестренку с рук, а спать клала с собой в постель. Но через два года Маргарет вышла замуж и уехала жить в Париж. С тех пор куколка в основном принадлежала отцу и брату. Даже в юности Оливер бывал неразлучен с сестренкой. Порой, самолично завязывая бантик в кудряшках девочки, он вез ее с собой куда бы ни ехал, вызывая тем самым восторг общества и называл своей маленькой принцессой.

Оливер был очень одарен музыкально, но отец, заметив его чрезмерный интерес к музыке, запретил сыну заниматься ею, считая это недостойным занятием для мужчины. Зато когда Оливер увидел у своей сестренки такой же интерес и сказал об этом отцу – герцог нанял для дочери самого лучшего учителя – итальянца Бонончини. Когда Оливер хотел жениться на дочери графа Денби, маленькая Элли всячески защищала брата перед отцом. Но герцог был неумолим, и вот свадьба Оливера и французенки Полины состоялась. С тех пор граф Перси сильно изменился. Его всегдашнее добродушие стало уступать место частой раздражительности. А в данный момент он был, кажется, по-настоящему зол.

– Выслушайте меня внимательно, миледи, – холодно сказал он жене, – вы немедленно отправляетесь в Нортумберленд, будете жить в Алнвике.

– Вместе с вами?

– Нет. Вы едете туда без меня. Я пока остаюсь в Лондоне.

– Не знаю, чего еще наговорила вам ваша сестра, но...

– Я больше не потерплю никаких возражений! Немедленно собирайтесь, карета уже ждет вас.

Граф Перси вышел, резко развернувшись на каблуках. Герцог, хоть и не присутствовал при этой сцене, все слышал слово в слово.

Может, в первый раз он остался доволен твердостью сына. «Если бы Оливер был таким решительным и в политике...» – думал он.

А Элен с Долорес так и остались стоять посреди гостиной.

– Теперь-то вы обе, наконец, удовлетворены? – прошипела им Полина, но в глазах ее заблестели слезы.

И тогда девушкам стало жаль невестку. У них было такое чувство, что они тоже ее выгнали.

Глава 8

Дерек проснулся в хорошем настроении. Наскоро перекусив, он умылся и надел чистую блузу, на нее свой старый, но идеально чистый камзол, а затем и кафтан. Стоя у зеркала, он аккуратно расчесал и скрепил свои волосы на затылке, а после тщательно приладил, напудрив, новый дорогой парик. Наблюдая за туалетом сына, Фредерик саркастически заметил:

– Как можно позволять себе тратить деньги на такой дорогуший парик, когда имеются свои вполне приличные волосы?

– Ах, оставьте, отец, – возразил сын и поспешил на улицу.

Сев в наемный экипаж, он доехал до Ковент-Гардена¹², где его ожидали для занятий с оркестром. Пробыв там около двух часов, Дерек зашел, как обычно, в кофейню Уилла, что близ Ковент-Гардена, побеседовать с некоторыми музыкантами, критиками и их патронами – это было их излюбленное место, а также поэтов и литераторов.

Кофейня тогда была местом, которое ныне предназначается клубу. Кроме того, кофейня способствовала сглаживанию социальных различий, и в ней можно было видеть высоких аристократов, сидящих запросто с простыми дворянами. В те времена, когда не было ни настоящей журналистики, ни, тем более, телефонов или телеграмм – кофейни служили источниками различных новостей. В кондитерской Уайта на Сент-Джеймс стрит собирался высший свет. Тори¹³ посещали кондитерскую «Кокосовое дерево», виги¹⁴ – кофейню на Сент-Джеймс стрит. Кофейня Треби обслуживала духовенство, а «Греческая», куда любил захаживать и наш герой – людей науки и искусства.

Побыв немного в кофейне, молодой фон Лансдорф отправился преподавать музыку, а к вечеру заглянул в таверну «Два петуха» повидать друзей. Таверна эта потому имела такое название, что в ней постоянно проходили петушинные бои. Гарсиа любил бывать в ней, так как здесь завсегдатаям подавали отличный невыдохшийся эль¹⁵.

Поужинав там с Гарсиа, по дороге домой Лансдорф сообщил, что органный концерт по заказу герцога Чандоса будет готов уже вечером, а его премьера состоится в замке герцога через два дня.

– Для тебя это неплохой шанс доказать старому герцогу, что ты пишешь лучше Генделя, – заметил Гарсиа.

– Надеюсь, что так.

– Ладно, мне нужно срочно идти. Буду нужен – зови.

– Опять новая девушка? – понимающе улыбнулся Лансдорф.

– Не всем же засматриваться на дочек герцогов, – парировал Гарсиа.

Лансдорф опустил глаза.

– Ага, поймал! Она так сильно тебе понравилась?

– Леди Перси настоящая красавица. Любой бы засмотрелся.

– Ну, не скажи. По мне леди Флеминг ничем не хуже – такая белокурая, нежная, – Гарсиа на мгновение мечтательно задумался, затем продолжил, – конечно, леди Перси бесспорно прекрасна, но по сути – это ужасный нестареющий Нортумберленд в платье! У нее такой же жуткий взгляд – когда смотрит, аж мурашки по спине. Нет, мне по душе более хрупкие создания.

Лансдорф промолчал, подумав про себя: «Странное дело вкусы.

¹² Ковент-Гарден – театр в Лондоне.

¹³ Тори – правительственная партия, отстаивающая в парламенте интересы монархии и поддерживающая власть короля.

¹⁴ Виги – партия оппозиции королевскому режиму, выступающая за усиление

¹⁵ Эль – пиво.

По-моему, эта девица Флеминг совершенно незаметна рядом с такой редкой красавицей, как Элен Эдуарда. К тому же ты наверняка и лжешь, приятель, просто от того, что она на тебя и глядеть не станет».

Друзья распрощались. Лансдорф не торопясь шел по улице. Магазины и лавочки уже закрывались. Юноша остановился около витрины с фарфоровыми игрушками. Одна кукла привлекла его внимание:

роли парламента и ограничение королевской власти.

зеленоглазая, с каштановыми кудряшками. «Да это же прямо она!» – невольно подумал Лансдорф и сокрушенно вздохнул. – «Фарфоровая кукла! Что же скрывается за вашей красотой, леди Перси?». Пройдя чуть дальше, он увидел уже знакомую ему вывеску «Школа фехтования». Теперь он точно решил, что завтра же запишется в нее.

Через два дня состоялся его органнй концерт, успех которого был несомненным. На нем присутствовало много высшей знати, но ни леди Перси, ни других членов семьи герцога Нортумберленда не было. Это огорчило юного композитора, но он все еще не осознавал, что образ девушки постепенно завладевает всеми его мыслями.

Глава 9

Несколько дней спустя Дерек как обычно давал урок музыки дочерям графа Джерси. В зал, где они занимались, зашел дворецкий и тожественно объявил:

– К вам ее светлость леди Перси и леди Флеминг.

У Лансдорфа бешено заколотилось сердце. С большим трудом ему удалось сохранить невозмутимый вид. Издали послышался легкий стук каблучков, и вот перед Дерекком появилась дочь самого могущественного и знатного герцога со своей подругой. Их сопровождал тот самый господин, которого Дерек видел с ними в парке. Следом вошли двое здоровенных камерлакеев, которые остались стоять в дверях. В руках у леди Перси был футляр со скрипкой.

Леди Мэри и ее младшая сестра Бетти вышли к ним навстречу, присев в поклоне.

– Как я рада, Элен, наконец видеть вас! Вы словно о нас забыли, – сказала Мэри.

– Ах, дорогая, из-за болезни матушки совсем нет времени, – ответила леди Перси.

– Прошу, располагайтесь. У нас сейчас как раз урок музыки, – Мэри сделала жест в сторону Дерекка, – выполняя вашу просьбу, спешу представить нашего учителя – достопочтенного¹⁶ фон Лансдорфа.

Дерек молча поклонился.

– Ее светлость леди Эллен Эдуарда Перси и леди Долорес Флеминг, – еще раз представила Мэри девушек.

– Джозеф Грейл, главный гувернер леди Перси, – предупреждающе представился господин, сопровождавший их.

Неподвижные глаза дочери герцога впились в Лансдорфа. От ее взгляда юноша похолодел. Наступила пауза. Наконец она произнесла:

– У меня создалось впечатление, будто я прежде видела вас.

– В Сент-Джеймском парке, – подсказала ей Долорес, – помнишь юношу с маленьким братом?

– Ах, да, – усмехнулась Элен, – на вас был смешной парик. Никогда бы не подумала, что вы и есть тот самый фон Лансдорф!

Дерек постепенно обрел дар речи:

– Миледи знакомо мое скромное творчество?

– Очень даже. Но не прибедняйтесь. Не желая льстить, скажу, что считаю вас талантливым композитором. Однако я не думала, что вы так молоды. Сколько вам лет?

– Девятнадцать, миледи.

– Девятнадцать? – удивилась девушка. – А на вид гораздо меньше! Что ж, на самом деле это неважно. Я бы желала послушать ваш урок и именно вашу, Лансдорф, музыку, ведь я уже давно так хочу этого.

– Что будет угодно слышать вашей светлости?

Элен недовольно повела хорошеньким носиком:

– Отбросим «светлости». Леди Перси – вполне достаточно. Хотелось бы услышать одну из ваших сонат для скрипки и клавесина.

Мэри, вы согласитесь на партию клавесина?

– С удовольствием, но должна сказать вам, господин Лансдорф, что леди Перси превосходно лучше меня играет на клавесине, а тем более на скрипке!

– Вот как?

¹⁶ Достопочтенный (the Honorable) – официальное обращение к сыновьям баронов, виконтов и младшим сыновьям графов в Англии, в разговоре не употребляется.

– Вы захвалили меня, Мэри, – сказала Элен, – между тем, мне было бы интересно узнать ваше личное мнение, Лансдорф, на этот счет.

– Я к вашим услугам, леди Перси.

– Элен, пожалуйста, возьмите свою скрипку и сыграем вместе трио Лансдорфа для двух скрипок и клавесина, – попросила Мэри.

– Я вообще-то хотела послушать... но, хорошо.

Мэри села за клавесин, разложив на пюпитре партитуры. Леди Перси и Лансдорф встали сзади. Во время игры Дерек стоял к ней так близко, что ощущал тонкий аромат ее духов. Не боясь быть пойманным, он стоял спиной к остальным и разглядывал ее плечи, шею, прекрасные волосы, маленькое ушко с сапфировой сережкой.

Закончив игру, она спросила:

– Ну что вы скажете о моей игре? Только честно!

– Леди Мэри была права – у вас талант. Я слышал, ваш учитель сам Бонончини.

– Да, но мои вкусы стали меняться. Мне теперь все меньше и меньше нравится его итальянская музыка. Ведь Гендель пишет несравненно лучше. А вас я ставлю еще выше Генделя! Но только объясните – отчего вы не пишете танцев? Я так люблю менуэт! А опера, мне кажется, далась бы лучше вам, чем Генделю.

Лансдорф смутился, не зная что ответить. Мэри ответила за него:

– Господин Лансдорф – сын пастора и потому, наверное, не любит легкой музыки, верно?

– Не совсем так. Я действительно имею, быть может, несколько несовременные религиозные взгляды, но... просто я не думал об этом, вот и все, – смущенно пояснил Дерек.

Элен смотрела на него с минуту не отрываясь, а затем произнесла:

– Мне жаль, что я не смогу в ближайшее время пригласить вас поиграть у нас во дворце. У меня имеется огромная коллекция редких партитур, – она вдруг погрузилась, – видите ли, господин Лансдорф, герцогиня – моя мать очень тяжело больна, и отец запретил музицировать даже в самых укромных уголках нашего дворца.

Дерек с участием посмотрел на нее.

– Но вы могли бы некоторые партитуры принести сюда! – возразила ей Мэри. – Можно устроить концерт, правда господин Лансдорф?

Моему отцу бы это понравилось.

– Не знаю, прилично ли мне бывать сейчас на концертах? – вздохнула леди Перси.

– Но Элли, матушке всегда нравилась хорошая музыка, твоя игра, – вмешалась Долорес, – я не думаю, что ей было бы это неприятно, она такая добрая!

– Да, да, – подхватила Мэри, – вот, посмотрите – господин Лансдорф принес нам свое новое творение для клавесина.

Леди Перси живо подошла, пробежала глазами по нотам и, сев за клавесин, заиграла. Девушки и Грейл сидели в креслах, а Дерек, делая вид, что наблюдает за игрой, снова любовался красавицей. Никто и не заметил, как появился дворецкий. Когда Элен закончила играть, он возгласил:

– К вам лорд Уэлсли!

Мэри сразу охватило волнение. Леди Перси поднялась и устало вздохнула:

– Нет, это поистине становится невыносимым! Таскается за мной повсюду. Сейчас наверняка он был во дворце, проведаль там, что я поехала сюда и примчался следом!

– Он любит тебя, – улыбнулась Долорес.

Леди Перси рассердилась:

– Я ему много раз говорила, что его любовь мне не нужна. Как можно быть таким настырным!

В зале показалась долговязая фигура молодого Уэлсли, сына герцога Веллингтона. Поздоровавшись с девушками и не обратив внимания на Лансдорфа, он робко сказал Элен:

– Миледи, во дворце мне сказали, что вы...

– Что я здесь, – резко перебила его она, – но уже ухожу! И не смейте за мной следовать, слышите? Грейл, Долли, идемте, – затем она повернулась к Мэри, – непременно скоро заеду снова. А с вами, фон Лансдорф, я надеюсь увидеться на днях, – и она протянула ему руку.

Дерек ее почтительно поцеловал. Леди Перси, дружески потрепав Бетти по щеке, вышла со своей свитой. Уэлсли, пробормотав какие-то извинения, бросился вслед за ними.

– Да неужели в вас совсем нет гордости? – неосторожно вырвалось у Мэри.

«Похоже, здесь кипят страсти» – подумал Лансдорф и, сохраняя отрешенный вид, отвернулся к окну, желая дать Мэри прийти в себя.

– Надо полагать, наш урок сегодня закончен, господин Лансдорф? – прошептала Мэри.

Дерек повернулся и увидел, что она плачет. Быстро достав платок, она утерла слезы.

– Простите, мне так стыдно. Вы ведь все поняли, конечно? Умоляю, не говорите никому, – вновь заливаясь краской, заговорила смущенная девушка.

Дереку стало жаль ее.

– Да ничего я не понял, слышите? Ничего, – ответил он и тихонько пожал ей руку.

– Спасибо, вы очень великодушны, – слезы продолжали течь по лицу Мэри. Утерев их вторично, она спросила, – сознайтесь, леди Перси произвела на вас должное впечатление, так ведь?

– Она очень талантлива.

– Да я же не об этом. Только не подумайте, будто я не люблю ее.

Мы с детства знакомы и она хорошая подруга. Но скажите мне ради Бога, если есть девушки подобной красоты, ума, таланта, то что делать остальным, таким как я?

– Я глубоко убежден, леди Мэри, что настоящая красота женщины заключается в ее добродетели, верном и любящем сердце, в котором нет места гордыне и лицемерию.

– Так мог бы сказать любой мужчина до встречи с леди Перси, – всхлипнула Мэри. – А ведь она гордячка! Люби она его, я, может, и не так страдала бы. Но она глубоко презирает Уэлсли, насмехается над ним и прочими безумно влюбленными в нее глупцами, а сама любит только свою скрипку.

– Но разве плохо любить музыку?

– Конечно же нет, но надо уметь любить и уважать других людей! Разве не это заповедал нам Господь? Ах, – внезапно осеклась она, – простите, я, кажется, несколько необдуманно увлеклась своими рассуждениями. Кстати, вы ей понравились. Элен очень капризна.

Подобное от нее я слышала только о Генделе, но вам она говорила сплошные комплименты. К тому же она подала вам руку – это очень добрый знак, поскольку обычно этого Элен не делает никогда. Так что поздравляю вас – леди Перси умеет ценить талант и возможно скоро перед вами откроются двери самых знатных домов в Англии.

Лансдорф скромно промолчал.

Глава 10

Домой Дерек почти что летел на крыльях от счастья. «Вы ей понравились» – стучали у него в голове слова Мэри, а губы все еще ощущали нежность ручки Элен.

Фредерик, увидев сына, остолбенел:

– Что с тобой? Какая идиотская улыбка! А...я, кажется, догадался! Проклятый испанец добился своего – ты пьян, католики напоили тебя в таверне! Я знал, я чувствовал, эта дружба добром не кончится!

– Отец, я не был в таверне и не пил, – тихо возразил Дерек.

– Как не пил? – отец начал подозрительно принохиваться, а сын неожиданно обнял его, затем резко забежал в свою комнату и закрылся в ней.

– Открой! Немедленно открой! – неистово бился в дверь отец Фредерик.

– Я уже сплю, отец. Завтра поговорим.

Тот вскоре устал и отошел от двери. От шума проснулся Клаус и, увидев брата, кинулся к нему на руки.

– Как я всегда по тебе скучаю, – грустно сказал ребенок, – ты сейчас какой-то особенный.

– Просто сегодня мне улыбнулась удача. Могу же я быть хоть немного счастливым?

– Конечно, – убежденно ответил Клаус, – ведь ты – самый лучший на свете!

«Если бы так думала леди Перси!» – мысленно грезил Дерек, укачивая брата, и когда тот заснул, отнес его в постель. Сам же он уснуть никак не мог, в его голове бродили беспорядочные мысли: «Гордячка!

Но почему? Она была со мной мила. Все зовут ее Элен, это как-то по-французски, но так нежно – Элли. А у Уэлсли такой глупый вид, что мне сдается, он надоел бы любой девушке. Мэри любит его, а потому злится, вот и все. По словам Мэри, Элен любит только скрипку, но это же означает, что ее сердце свободно!». От этой мысли Дереку стало так хорошо, что у него внутри зазвучала новая музыка. Стараясь не разбудить Клауса, он осторожно зажег свечу, сел к столу и начал записывать звучащие в голове ноты.

Почти не спав всю ночь, наутро Дерек сел за клавесин – посмотреть что получилось. Услышав эту музыку, Фредерик понял, что в сердце его сына вошла любовь. Он рассердился и собрался потребовать объяснений, но тут же передумал: «силой ничего не добьюсь – упрямец начнет скрываться от меня. Лучше сделаю вид, что ничего не замечаю, а тем временем выясню кто она!». Зайдя в залу, он спокойно спросил у сына:

– Что это за музыка?

– Это менуэт, – смутился Дерек.

– Ты ведь, как будто, не пишешь ничего для танцев?

– Вообще-то да, но поступил такой заказ, и я решил попробовать.

– Кто же заказчик?

– Одна очень знатная дама.

«Он хочет меня уморить! Неужели его соблазнила одна из светских замужних блудниц? О, как я этого боялся!» – в ужасе подумал Фредерик, но все же сдержался, пожал плечами и вышел.

В полдень к Дереку пришли заниматься певцы из придворной капеллы герцога Чандоса для разучивания новой оратории. В залу, где они занимались, зашел Фредерик.

– Отец? – удивился Дерек.

– Хочу немного послушать божественных гимнов. Я не помешаю.

Во время пения отец Фредерик внимательно всматривался в лица певиц – вдруг сын обманул и это какая-нибудь певичка! Но как он ни старался, ничего подозрительного обнаружить ему не удалось.

Глава 11

Спустя три дня Дерек сидел в обычное для него время в кофейне Уилла в обществе нескольких поэтов. В кофейню зашел важный лакей в дорогой ливрее и направился прямо к нему.

– Господин фон Лансдорф?

Получив утвердительный ответ, лакей сообщил, что леди Перси находится в данный момент в Ковент-Гардене и выражает желание, чтобы он немедленно появился там. Тут же распрощавшись с поэтами, Лансдорф поспешил в театр. Зайдя туда, он увидел леди Перси, любезно беседующую с Генделем. С ней были ее гувернер Грейл и леди Флеминг.

Элен заметила его и сделала знак веером подойти.

– Господин Гендель исполнил мой заказ, – довольно произнесла она и протянула тому кошелек, – три сонаты для скрипки!

Гендель вежливо поклонился.

– Миледи, у меня тоже кое-что для вас имеется, – сказал Лансдорф и вдруг спохватился, – как я мог! Забыл в кофейне! Меня позвали...

– Да не волнуйтесь вы так, – улыбнулась Элен, взяв под руку Долорес, – идемте же туда и заберем.

Кивнув на прощание Генделю, девушки и Грейл пошли к выходу.

Лансдорф ощутил на своей спине злобный взгляд немца-композитора.

– Мы подождем вас в карете, – сказала на улице леди Перси.

Быстро забрав забытые в кофейне партитуры, Дерек сел к ним в карету и протянул их Элен.

– Менуэты? Но вы же сказали, что не пишете их?

– Я решил попробовать. Отдаю их на ваш суд.

Леди Перси пробежала глазами по нотам:

– Но это же недурно, весьма недурно! Что ж нам делать а, Долли?

– В чем проблема, миледи? – спросил Дерек.

– В том, что негде играть. Я, собственно, искала вас, чтобы показать некоторые свои сочинения. Уверена – в них есть недочеты, и мне нужно точно знать какие. Бонончини только восторгается.

Может оттого, что мой отец хорошо платит ему. Но мне-то нужна правда!

– А господин Гендель не смог ответить на ваши вопросы? – с хорошо скрытой ревностью спросил Дерек.

– Гендель? Он тоже восторгался, но явно неискренне. Знаете ли, с ним тяжело общаться. Говорят, он ужасно обращается с певицами и вообще груб.

Дерек достал из кармана пошетту¹⁷ и протянул ее девушке, но она с презрением отвергла такой инструмент.

– Может, поедем к Мэри Вильерс? – предложила Долорес.

– Уэлсли там нас быстро обнаружит и не даст играть. Мы же только что ловко улизнули от него! Послушайте, Лансдорф, а где вы живете?

Дерек слегка покраснел.

– Я живу в таком месте, куда ваша светлость вряд ли захочет войти.

– Но отчего же? У вас ведь имеется скрипка, клавесин?

– Даже домашний орган и некоторые духовые, – ответил страшно смущенный Дерек.

¹⁷ Пошетта – миниатюрная карманная скрипка, была распространена в Европе

– Так чего же еще нам надо? – обрадовалась леди Перси. – Мы едем к вам! Назовите адрес кучеру.

в XVI–XIX веках. От франц. «poche» – карман.

Лансдорф повиновался, и карета тронулась. Грейл сухо заметил:

– Я бы не советовал вам, миледи, ехать запросто, неизвестно куда с малознакомым человеком.

Лицо леди Перси застыло, в глазах промелькнул недобрый огонек. Она медленно произнесла:

– А кто здесь нуждается в ваших советах, сэръ?

– Вот именно, Грейл! – подхватила Долорес. – К тому же вы-то едете с нами!

Грейл недовольно промолчал и уставился в окно. Воцарилось молчание. Лансдорфу явно было не по себе.

– Мой отец, леди Перси, редко заходит в зал, где я принимаю музыкантов, – тихо заговорил он, – но все же если зайдет... вообще, он очень благородный человек, но может показаться вам несколько, как бы это сказать, странным.

– Думаете, меня можно этим смутить? – улыбнулась Элен и многозначительно посмотрела на свою подругу. – Господин фон Лансдорф, приходилось ли вам жить под одной крышей с мегерой, скандалисткой, ханжой, ищейкой, злобной фурией – и все в одном лице?

– Простите, я не понимаю вас, миледи.

– Поняли бы, если б близко знали мою невестку – графиню Перси, – тут девушки весело рассмеялись, чем несколько разрядили напряженность Лансдорфа.

– Слава Богу, Оливер разрешил эту проблему, – сказала леди Флеминг, – кстати, господин фон Лансдорф, мы напросились к вам в гости, но даже не знаем, как вас зовут.

– Мое имя – Теодерих Вольфганг Иоганн. Сокращенно – Дерек, если вам угодно.

– Теодерих Вольфганг Иоганн фон Лансдорф – как-то по-немецки длинно, – заметила леди Перси.

– Ну уж не длиннее твоего, – засмеялась Долорес.

– Разве миледи зовут не Эллен Эдуарда? – спросил Дерек.

– Эллен Эдуарда Анна Изабелла Катарина Анаис Элеонора Луиза Элизабет Беатрис София Кристина, – с улыбкой ответила леди Перси, – запомните? Матушке и всем остальным нравится называть меня Элен на французский манер, как вы наверное и сами заметили, но отец зовет меня Нэдди, то есть – Эдуарда.

– Я обязательно запомню это, миледи. А у вас, леди Флеминг, такое же длинное имя?

– О нет, со мной все просто – Мэри Долорес. Я никогда не пользуюсь своим первым именем.

Так, незаметно за разговором, они подъехали к пансиону Дерек.

Один из камер-лакеев, ехавших на козлах, открыл дверцы. Вокруг них моментально начала собираться стая зевак, ибо такие кареты не часто останавливались возле пансиона миссис Астер.

Войдя в апартаменты Лансдорфа, леди Перси не спеша огляделась:

– Что ж, у вас довольно мило, – она подошла к его столу, на котором с чисто немецкой аккуратностью были разложены бумага для писем, партитуры, катехизис и кругом ни одного чернильного пятнышка, ни пылинки. – Лансдорф! – восхищенно сказала девушка.

– Что-то не так, миледи? – обеспокоился Дерек.

– Вот именно! Такой идеальный порядок! А у меня вечно разбросаны партитуры везде, я ужасно злюсь, когда прислуга собирает их – ничего после нее не найдешь. И не только партитуры, но и другие вещи. Ну да ладно. Взгляните-ка на мои сочинения.

Дерек стал их просматривать. В основном они были для клавесина, флейты, скрипки или для двух скрипок. Его удивила строгость и отсутствие манерности в ее музыке, хотя в некоторых

сонатах все же проступала сентиментальность. Стало ясно, почему она выбрала именно его в качестве критика: они писали светскую музыку примерно в одном направлении, отходя от вычурного барочного стиля. Еще одно приятно удивляло – Элен была необыкновенно грамотна в написании, лишь с небольшими погрешностями.

– Что вам сказать? Написано совсем неплохо, – он черкнул пером в нотах, – вот здесь бы я внес поправки в гармонии. Спешу заметить, я приятно удивлен.

– Вы считаете, девушка не может написать хорошую музыку?

– Не в обидном смысле, миледи. В любом обществе, как вы знаете, всегда было принято, что женщина – это жена и мать. А осваивать профессии чисто мужское занятие. Но тут, я спешу вас заверить, – Дерек улыбнулся, лаская ее взором своих лучистых глаз, – что я лично совершенно не согласен с таковым общественным мнением. Грешно зарывать такие таланты как у вас в землю. Но ведь и далеко не все девушки стремятся познавать какие-либо науки, чего никак не скажешь о вас. И еще: у вас видно врожденное чувство гармонии и хотя пока есть некоторые недостатки, я уверен – вы пишете недавно и со временем отточите свое мастерство.

– Вы поможете мне? – с надеждой спросила Элен.

– Я всегда к вашим услугам, миледи, – сдержанно заверил ее счастливый Лансдорф.

В дверях появился Фредерик, держа за руку Клауса:

– Мы не помешаем?

– Нет, отец, проходите, – ответил Дерек и представил его своим гостям. Фредерик, учтиво поклонившись, уселся в кресло. Клаус живо подбежал к Долорес:

– Вы меня помните, леди Флеминг?

– Конечно! Как я могу позабыть такое прелестное дитя, – просияла она, тут же усаживая Клауса к себе на колени.

– Он вам не помешает, миледи? – спросил Дерек.

– Что вы! Когда я выйду замуж, у меня будет много вот таких детишек!

– Долли очень любит детей, – пояснила Элен.

– А вы? – осторожно поинтересовался Дерек.

– Я? Ну конечно же. У меня есть трое очаровательных племянников, я люблю играть с ними, когда они гостят у нас. Но мечтать о своих детях и о замужестве мне как-то не приходило в голову.

– А мне казалось, все девушки мечтают о хорошем муже, – раздался голос Фредерика.

Леди Перси покраснела.

– Отец, эти юные леди пришли ко мне заниматься, и я прошу вас впредь воздерживаться от ненужных замечаний, – спокойно и строго сказал Дерек.

– У меня есть мечта, отец Фредерик, – оправилась от смущения Элен, – но вам она наверняка покажется нелепой, как и моему отцу.

Я хочу стать композитором!

– Отцу Фредерику эта мысль не кажется нелепой, не так ли? – глядя на отца в упор, спросил Дерек.

– Конечно, не кажется. Прошу прощения миледи, не обращайтесь на меня никакого внимания, занимайтесь, – любезно произнес с поклоном Фредерик и вышел.

Поиграв менуэты Лансдорфа, девушки остались довольны. Уходя, леди Перси сказала Дереку:

– Вы можете свободно приходить и спрашивать меня во дворце когда угодно. Только играть мы там не сможем. Я буду приезжать иногда сюда, можно?

– Когда пожелаете, миледи. Рассчитывайте на меня во всем.

– Спасибо Теодерих Вольфганг Иоганн фон Лансдорф, – девушка мило улыбнулась, – и все-таки это длинно, а Дерек – простовато. Вы не против, если я буду звать вас коротко – Ланс?

– Конечно, если вам это нравится. К тому же друзья нередко именно так меня и называют.

– Я тоже хочу быть вашим другом, Ланс. Мое имя длиннее вашего, и когда нет посторонних, можете тоже звать меня коротко – Элен.

Глава 12

Дворец Сайон-хауз поразил Дереха своей поистине королевской роскошью, когда он прибыл туда после всего недельного знакомства с леди Перси, по ее приглашению. Дворецкий, свысока оглядев его, предложил подождать – леди Перси была в отцовской библиотеке.

Лансдорф весь сжался. Впервые в жизни он чувствовал себя хуже последнего нищего, в своей недорогой, поношенной одежде. Не смея присесть на предложенный дворецким стул, он разглядывал приемную дворца, украшенную двенадцатью колоннами из голубого мрамора с позолоченными капителями и скульптурами наверху. Скульптуры эти были выполнены по рисункам самого Адама – он считался знатоком античности, а потому стволы колонн являлись подлинно античными, и были найдены на дне реки Тибр в Риме. В этой величественной комнате висели на стенах портреты герцогов, королей и принцев – предков герцога Нортумберленда. В глаза Дереху сразу бросился довольно странный портрет Элен: художник изобразил ее до пояса в мужском костюме для охоты: плаще и шапочке с пером, зачем-то придав нежным чертам девушки некоторую резкость. Рядом с этим портретом находилось еще два: один изображал увядшую бледную даму средних лет с застенчивыми голубыми глазами, а другой – красавицу неопределенного возраста, точь в точь похожую на Элен с той лишь разницей, что ее прекрасные глаза были черными, как и кудри.

Двери неожиданно распахнулись, и через приемную быстро прошел сам герцог. Он даже не взглянул в сторону Лансдорфа, лишь небрежно бросил на ходу слуге:

- Что сей за оборванец?
- Это к вашей дочери, милорд.
- Скоро мой дом, благодаря ей, превратится в приют для бродяг!

Герцог исчез в коридорах своего дворца. Слуга с затаенной усмешкой взглянул на Дереха, а тот уже готов был провалиться сквозь землю от стыда и хотел удалиться, но тут он услышал голос леди Перси:

– Господин фон Лансдорф! – она зашла в комнату и подала ему руку. – Прошу прощения, что заставила вас ждать. Идемте же в мой кабинет.

Но Дерек словно оцепенел. Слуга что-то шепнул ей на ухо. Девушка немного смутилась:

– Простите, Лансдорф, мой отец бывает иногда немного несдержан, но он, поверьте, совсем не такой грозный, как о нем говорят.

Я представлю вас ему, и он не будет препятствовать нашему общению, вот увидите!

Взглянув еще раз на странный портрет, Дерек хотел идти за ней, но она спросила:

- Вас что-то удивило в этом портрете?
- Нет, нет, просто необычно, вы в мужской одежде.
- Ага, вот вы и попались! – задорно рассмеялась леди Перси.

Лансдорф застыл в недоумении и растерянности. Продолжая смеяться, Элен пояснила:

- На этом портрете изображена не я!
- Не вы?!
- Перед вами герцог Нортумберленд в возрасте двенадцати лет.

Это семейная шутка. Мы нарочно повесили портрет здесь, чтобы наши гости сразу обращали на него внимание. Интересно, но никто еще не узнал в нем отца. И вы тоже ошиблись.

– Совершенно удивительная схожесть, – удрученно пробормотал Лансдорф и спросил, указав на портрет черноокой красавицы, – а это, должно быть, герцогиня Нортумберленд?

– Да, – ответила Элен, – только если вы не имели в виду мою матушку, – она кивнула на портрет увядшей дамы, – вот это моя мать, а та, что вы приняли за нее – покойная герцогиня Нортумберленд, в девичестве испанская принцесса Изабелла Арагонская и моя бабушка, то есть, мать отца.

Поразил Дерек и кабинет девушки уже одним своим существованием. По своему интерьеру он сильно напоминал кабинет ее отца, только здесь все стены были увешаны полками с книгами и какими-то папками. На ее письменном столе царил невообразимый хаос, а на столике у камина и под ним валялась кипа нотных исписанных листов.

– Какая у вас обширная библиотека, – восхищенно сказал он.

Леди Перси гордо улыбнулась:

– Вы бы так не говорили, если бы видели библиотеку моего отца.

А здесь большинство – партитуры.

Дерек протянул ей принесенную с собой папку:

– Осмелюсь надеяться, эта симфония понравится вам, Элен.

Она взяла партитуры, просмотрела их, мысленно наигрывая, и восторженно спросила:

– Сколько?

– Что – сколько? – не понял Дерек.

– Сколько я вам должна?

– Это мой подарок, – тихо произнес он, отводя глаза.

– Подарок? – удивилась Элен. – Но почему? – так и не получив ответа она добавила, – впрочем, благодарю, если так. В ответ разрешаю вам сколько угодно времени проводить в моем кабинете, выбрать любые книги и партитуры, а я немедленно прикажу переписать их для вас. А может поедет, Ланс, чуть позже в Друри-Лэн¹⁸? С оркестром, думаю, проблем не будет, – она пристально посмотрела на него, – уж очень хочется услышать вашу новую симфонию.

¹⁸ Друри-Лэн – театр в Лондоне.

Глава 13

Прошло примерно два месяца. За это время леди Перси и Лансдорф крепко подружились. Дерек тщательно скрывал свои чувства, заметив, что она не любит, когда ее осаждают пылкие влюбленные, к тому же он был сильно неуверен в себе. Однако если от Элен ему удалось скрывать любовь, то от своего отца нет. Фредерик сразу все понял, но решил молчать. Он увидел, что Элен избалованная, но порядочная девушка и Дереку ничего не грозит рядом с ней, а его юношеская блажь, думал он, пройдет сама собой, когда Нортумберленд выдаст дочь замуж за какого-нибудь принца или герцога.

Друзья завидовали Лансдорфу, особенно Гарсиа. Он никак не понимал, как тому удалось очаровать такую девушку.

– Будь осторожен, Ланс, – говорил он, – если что, нам всем головы не сносить. На самом деле, старый Цербер Нортумберленд зорко стережет дочь.

Дерек же не откровенничал ни с кем, но правдиво отвечал друзьям, что их с леди Перси не связывает ничего, кроме музыки.

Однажды, в назначенный час, Элен не приехала к нему для занятий. И на следующий день тоже и даже записки не прислала. Встревоженный Лансдорф хотел ехать прямо во дворец, но потом раздумал, и отправился в кофейню Уилла. Не встретив в это время там почти никого, он мрачно пил кофе в одиночестве.

– Как, вы здесь, Лансдорф? – услышал он за спиной голос поэта Сиббера.

– Что же в этом такого необычного?

– Странно. Разве вы не знаете последнюю новость? Сегодня весь Лондон об этом только и говорит!

– Какую новость?

– Ну как же! Вчера ночью умерла герцогиня Нортумберленд!

Лансдорфа подбросило. Он выбежал из кофейни и, не решив куда лучше идти, направился домой. Там его ждала записка:

Ланс!

Вы, вероятно, уже знаете о нашем несчастье.

Как только сможете – приезжайте во дворец.

Элен

Не теряя ни минуты, Дерек помчался в Сайон-хауз.

– Леди Перси сегодня никого не принимает! – не пускал его дворецкий.

– Пропустите его! – послышался голос Элен. – Это потому, – объяснила она Дереку, – что лорд Уэлсли и прочие с ним, не оставляют меня в покое даже в столь горестный для меня час.

На ней было надето строгого покроя черное платье, отчего ее покрасневшие от слез глаза казались очень яркими, зелеными, а весь облик был таким прекрасным, что Дереку захотелось сжать ее в объятиях, но, не подав виду, он с грустью выразил ей соболезнования и спросил, чего бы ей пожелалось.

– Церемония прощания, – ответила она, – пройдет в нашей часовне. Затем, тело моей матери отправят в Нортумберленд для захоронения в семейном склепе. И я хотела, чтобы вы играли во время церемонии на органе. Согласны?

«Как странно. Для чего им нужно везти тело в Нортумберленд?» – удивленно подумал Дерек и ответил:

– Разумеется, Элен, я согласен.

– Тогда идемте. Траурная месса начнется через пару часов.

В небольшой часовне, примыкающей к дворцу, стоял на постаменте закрытый, обитый красным бархатом гроб. В часовне присутствовала почти вся высшая знать Англии. Каменное лицо герцога Нортумберленда, как, впрочем, и лицо Элен, не выражало никаких чувств. «До чего же они похожи!» – еще раз удивился Лансдорф. Долорес тихо плакала, уткнувшись в плечо овдовевшего герцога. Рядом с ними стояла приятная худощавая дама лет тридцати. Из ее светлых глаз непрерывно текли слезы, которые она прикрывала веером. Хотя Дерек никогда раньше ее не видел, он догадался, что это принцесса Конде, старшая дочь герцога. На ней не было парика: голову венчала густая копна каштановых волос – таких же точно как у Элен, но на этом их сходство оканчивалось. Принц Конде оказался весьма немолодым угрюмым человеком. Здесь же стоял их сын герцог Ангулемский с сестрой Анной Луизой и граф Перси со своей именитой супругой-мегерой. Вдруг из толпы выделился герцог Сент-Олбанс и медленно приблизился к гробу. Сент-Олбанс был стар, но его благородные черты, величественная осанка и ясный взгляд некогда пламенных черных глаз выдавали в нем высокородного, потомственного аристократа. Дерек знал о нем, что он очень богат, член Тайного Совета¹⁹, кавалер Ордена подвязки, а также, что он имеет наследственный титул Великого сокольничего Англии и наследственного секретаря суда лорд-канцлера.

Постояв с минуту, старик припал лицом к крышке гроба. Он не издал ни звука, но всем было заметно, что его плечи сотрясали судорожные рыдания. На неподвижном лице герцога Нортумберленда начала проступать краска ярости. Он уже сделал шаг вперед, но Элен так строго посмотрела на него, что он остановился. Справившись с собой, герцог Сент-Олбанс поцеловал крышку гроба и поспешил покинуть часовню. Никто из присутствовавших этому не удивился. Молва твердила, будто бы Сент-Олбанс долгое время был любовником покойной герцогини.

Церемония закончилась. Пастор, подобострастно скрестив руки на груди, поклонился семье герцога Нортумберленда. На прощание, Элен сердечно поблагодарила Лансдорфа за его игру.

– Некоторое время мы не будем заниматься, – сказала она, – но как только это станет возможным, я дам об этом знать.

Прошло три месяца. Все это время Дерек не видел леди Перси. Он и не подозревал, что даже временная разлука окажется такой тяжелой. Все его мысли и днем и ночью были о ней. Сейчас он пытался сочинять новую ораторию, но приступ меланхолии отчаянно мешал ему сосредоточиться. Он ждал прихода Гарсиа, который обещался зайти и немного помочь. Лансдорф всегда считал, что у его друга имеются недюжинные способности для написания музыки, о чем он неоднократно говорил ему, но тот всегда со смехом отшучивался: «Уж лучше быть отличным исполнителем, нежели посредственным композитором. Если мне и суждено что-то написать, так нечто великое, а для этого нужно такое событие, которое потрясло бы меня до глубины души!».

Размышления Дерек прервал стук в дверь, он крикнул:

– Входи, Гарсиа, открыто.

На пороге появилась улыбающаяся леди Перси. От неожиданности Лансдорф чуть было не подпрыгнул и поспешил ей навстречу. Глаза девушки сияли радостью, отчего ему показалось, что она стала еще красивее. От счастья Дерек готов был сказать ей всю правду, признаться, как он ждал ее и как сильно любит. Но этому мешали прибывшие с ней гувернеры и леди Флеминг. И Лансдорф, как всегда, сдержался.

– У вас такой кислый вид, Ланс, что я склонна думать, будто вы не рады мне, – надула губки леди Перси.

¹⁹ Тайный Совет – Совет, содействующий королю в решении вопросов, подлежащих его личной компетенции.

– Не рад?! Да я просто уже и не ждал вас. Ведь вы ни строчки не написали мне, – с тихим укором произнес Дерек.

Элен удивленно посмотрела на него.

– Но я не знала, что это нужно. У нас был траур. Вот, приехала, надеясь застать вас дома.

– И совершенно правильно поступили, – поспешил заверить ее Лансдорф.

– Что это? – спросила Элен, подходя к партитурам.

– Новая оратория. Но что-то не так. Я ждал прихода Гарсиа, его советы бывают довольно ценны и своевременны.

– А мои советы... не подойдут? – робко спросила она.

Сияя от счастья, Лансдорф протянул ей партитуры. Грейл, как обычно, угрюмо занял место у окна вместе с другими гувернерами, а Долорес стала играть с прибежавшим из другой комнаты Клаусом.

Дерек же с Элен принялись столь интенсивно писать музыку, что пришедший Гарсиа понял – ему здесь делать нечего.

Глава 14

Спустя несколько дней Лансдорф, получив приглашение Элен, снова приехал в Сайонхауз. В саду раздавались звуки дуэта скрипки и флейты. Инстинктивно идя на эти звуки, он увидел в беседке играющих леди Перси и ее брата. На скамейке рядом с ними расположились леди Флеминг и графиня Перси. У ног Элен сидел огромный доберман, который при виде Дерека молча обнажил зубы. Элен перестала играть, погладила добермана и весело воскликнула: – Нельзя, Гектор, это ко мне! Доберман спрятал зубы, но продолжал напряженно наблюдать. – Не бойтесь, подходите, – сказал граф Перси. Но Дерек оробел, ожидая, что сын герцога Нортумберленда окажется столь же зол и надменен, как и отец. – Хочу представить тебе достопочтенного фон Лансдорфа, Нолли, – сказала Элен. Лансдорф несмело подошел и поклонился. Она продолжила: – Мой брат – Оливер Уильям Генри, граф Перси.

К удивлению Дерека, он тоже слегка поклонился и представил жену:

– Графиня Перси, моя супруга.

Та кивнула Дереку с кислой миной. Дерек вздохнул про себя, оглядывая мощную фигуру графа. Полное брюшко и наметившийся второй подбородок выдавали в нем любителя хорошо поесть. На его миловидном лице проскальзывала какая-то детская непосредственность, а красивой формы голубые глаза имели выражение легкого удивления, что придавало его облику еще больше обаяния.

И все это делало Оливера Перси совершенно непохожим на Элен и их отца.

– Я пригласила вас, Лансдорф, чтобы сделать следующее предложение, – деловито изложила леди Перси. – Общение со мной отнимает у вас много времени. Вам уже известно, что я рассталась с Бонончини и теперь хочу предложить вам стать моим учителем. Что скажете?

У Дерека радостно забилося сердце.

– Для меня это огромная честь, миледи, – спокойно ответил он, и добавил, обращаясь к Перси, – но что об этом думаете вы, граф, и ваш отец?

– Я всецело согласен с Элен, – улыбаясь, сказал граф Перси, – я уже давно вместе с ней слежу за вашим творчеством, оно мне по душе. А что до отца – ему все это безразлично, он доверяет нашему с Элен вкусу, но вы должны непременно зайти к нему. Можно прямо сейчас, пока он у себя.

От этих слов Дереку стало дурно. Он был в ужасе при мысли о встрече с Нортумберлендом лицом к лицу, помимо прочего из опасения, как бы тот не догадался о его любви к Элен. Граф заметил его страх и снова улыбнулся:

– Не стоит пугаться. Пойдемте, я провожу вас к отцу.

Доведя Дерека до дверей кабинета герцога, граф зашел туда и, выйдя через мгновение, произнес:

– Он ждет вас.

Лансдорф, перепуганный и почтительный, предстал перед герцогом. Тот что-то увлеченно писал. Рядом с ним лежал другой доберман, который посмотрел на Дерека более миролюбиво, чем Гектор. Несколько минут герцог не обращал на него внимания, пока не дописал начатое, а затем, подняв голову, уставился на бедного юношу немигающим взглядом зеленых глаз. Дерек стоял, не смея пошевелиться.

Внимательно разглядев его, герцог изрек:

– Моя дочь желает, чтобы вы были ее учителем музыки, – на минуту он замолчал, а на его неподвижном лице вдруг появилось отдаленное подобие улыбки, – чего вы застыли как истукан?

Дерек, насколько смог, спокойно ответил:

– Если вашей светлости угодно знать мое происхождение и образование...

– Мне это все давно известно, – нетерпеливо перебил его герцог. – Не следует думать, будто я не знаю, в чьем обществе моя дочь проводит столько времени. Должен предупредить – она необыкновенно пытлива, когда речь заходит о новых знаниях и посему вам, вероятно, придется тратить на нее больше времени, чем обычно на это требуется. Такой подход к делу вас устроит?

– Да, ваша светлость.

– В таком случае можете приступать к занятиям. Ваши музыкальные способности меня не интересуют. Моей дочери виднее, какой ей нужен учитель.

Герцог снова погрузился в свои дела, назвав перед этим баснословную, по разумению Дерекы, сумму за занятия с Элен.

Глава 15

Теперь Лансдорф проводил много времени в Сайон-хаузе. Его чувства к Элен возрастали день ото дня, но при этом она по-прежнему не давала повода к признаниям, да и в ее музыке чуткий юноша не слышал любви. «Но Элен – девушка необыкновенной красоты и необычного склада ума. Должно быть, и любовь ее также незаурядна, как и она сама», – успокаивал себя Дерек, ведь среди всех своих знакомых она явно отдавала предпочтение ему! Зачастую, она сама желала танцевать только с ним, чтобы он избавлял ее от некоторых слишком назойливых ухажеров.

Круг общения леди Перси составляли писатели, поэты, а главным образом, музыканты и певцы. Среди последних был двадцатидвухлетний итальянский певец и композитор Луиджи Торелли, который безмерно раздражал Лансдорфа своими манерами, а в особенности слишком рьяным ухаживанием за леди Перси. Точнее, за ней ухаживали практически все молодые люди, которые имели счастье общаться с ней, но Торелли был самым горячим ее поклонником. Как композитор он ничего из себя не представлял, и Дерек как-то вскольз намекнул об этом Элен. Она согласилась с ним, но заметила, что Луи, как она его называла, вызывая тем самым в Дерекe немалую ревность, примечателен для нее своим прекрасным голосом – у того был великолепный тенор. А его ухаживания заметно забавляли ее. У самой же Элен тоже был чудесный голос – сильное сопрано. Но своим настоящим и главным соперником Лансдорф считал герцога Норфолка. Молодой еще вдовец и владелец огромного состояния, Норфолк был дружен с герцогом Нортумберлендом и, как видно, мечтал жениться на его дочери. Но гордый папаша объявил всем женихам, что не собирается расставаться с дочерью до ее совершеннолетия. Влюбленный Лансдорф все больше и больше привязывался к прекрасной девушке, не замечая в ней никаких недостатков, даже несмотря на ее капризный нрав. Она казалась ему самым совершенством. Элен очень любила животных, и они платили ей за это своей преданностью. Не считая огромного количества доbermanов, которые неусыпно стерегли Сайон-хауз, пес Гектор был самым строгим и ревнивым ее стражем. Был у нее и щенок мопса, непомерно толстый, по кличке Жижи. Элен не разводила мопсов, но, когда-то подобрала большую собачку, выходила ее и от жалости так раскормила, что теперь Жижи, привыкшая много есть, сбавить вес уже не могла. Она очень боялась чужих, но, в отличие от Гектора, полюбила Дерекa. Заметив это, Элен позволила ему носить иногда Жижи. Дерек был счастлив – такой чести она не удостоивала никого из своих поклонников! Как-то раз в их конюшнях, помогая леди Перси спуститься с лошади, он увидел загон для старых и больных лошадей. Девушка подошла к ним. Раздалось радостное ржание. Одна старая кляча доверчиво положила голову ей на плечо. «Это подруга моего детства. Мы с отцом не отдаем друзей на живодерню», – объяснила Элен, целуя клячу в облезлую морду. В другой раз он застал леди Перси, играющей на скрипке в саду. На плече у девушки сидел прикормленный ею соловей и пел. Увидев Дерекa, птичка испуганно упорхнула.

Лансдорф искренне не понимал, отчего Мэри Вильерс, догадавшаяся о его чувствах к Элен постоянно повторяла, что у фарфоровой куклы и сердце из холодного фарфора? Ведь леди Перси всегда старалась помогать талантливым, но бедным музыкантам, певцам, художникам и писателям, тратя на это свое содержание, получаемое от отца. Но эти деньги, как правило, быстро заканчивались, и тогда она черпала средства из щедрого кармана графа Перси втайне от отца – тот терпеть не мог богемы вообще. И милостыню свою она творила столь деликатно, чтобы ни коим образом не задеть достоинства нуждающегося. Размер оплаты его труда тоже был делом рук леди Перси, позже он узнал, что сам Боноччини получал от герцога вдвое меньше него!

Дерек уважал Мэри Вильерс, считал достойной и умной девушкой. Она утверждала, что у Элен отнюдь не романтическая натура и ненавязчиво, по-дружески намекала – чтобы хорошенько ее узнать, достаточно взглянуть на ее отца. Но влюбленному юноше и сам герцог не казался больше таким ужасным и злым, хотя он по-прежнему боялся его. Просто все, что относилось к обожаемой им девушке, казалось таким прекрасным! Лансдорф уже думал признаться ей в своих чувствах, но робел, не зная понравится ли ей это. По просьбе Элен он представил ей, помимо Гарсия, остальных своих друзей. Дерек втайне опасался, как бы красота Гарсия не затмила перед ней его талант, но к своему удивлению обнаружил, что тот произвел на нее совершенно обратное впечатление. Из его друзей она особо выделила некрасивого и веселого Пирсона. Теперь они тоже стали частыми гостями Сайон-хауза, играя уже не квартетом, а квинтетом, где первой скрипкой всегда играла, конечно же, леди Перси.

Для Лансдорфа было поразительно, что герцог Нортумберленд никогда не препятствовал таковому образу жизни своей дочери: ведь иногда Сайон-хауз буквально наводняли нищие певцы, музыканты, актеры и прочие представители богемы. Но Элен благоволила только талантливым, так что остальные уходили несолоно хлебавши, стараясь стащить что плохо лежит и от этого порой не спасали ни слуги, ни доберманы.

Леди Перси задумала было устроить у них придворный театр, но герцог был взбешен подобным предложением и запретил даже мечтать об этом. Зато постановку новой оперы Генделя папаша все-таки оплатил, чтобы смягчить перед дочерью свой отказ!

Глава 16

Приехав в очередной раз для занятий, Лансдорф увидел как леди Перси с братом несутся на конях и фехтуют прямо на скаку! Леди Флеминг и графиня Перси наблюдали за ними из беседки. Дерек остановился, замороженный необычным зрелищем. Они засмеялись, увидев его, спешились и продолжили свой поединок на траве.

– Эстрамазоне!²⁰ – весело вскричал граф Перси и шутливо приставил острие шпаги к груди сестры. – Ты убита, принцесса!

Элен притворно взмахнула руками, выронила шпагу, и стала падать. Брат подхватил ее и, подбросив несколько раз сильными руками, прижал к себе. При этом подол платья девушки слегка задрался и Дерек увидел секрет ее роста: на маленьких ножках были надеты туфли с такими огромными каблуками, что Дереку стало непонятно, как ей удастся двигаться на них столь непринужденно грациозно.

– Прыгать со шпагой на таких высоченных каблуках! Что может быть уродливей и глупее? – раздался голос графини. – Поставьте ее на место, сэр. Возитесь с ней точно с куклой или ребенком, а она уже взрослая! Это же неприлично, тем более при посторонних!

Перси поставил сестру на землю.

– Подлая змея! – прошептала Элен, покраснев от смущения. С досады, она сняла туфли с ног и бросила их в сторону Полины.

– Думаете придать себе значимости высоким ростом, сравняться с мужчинами?! – злобно прошипела графиня.

Граф Перси подошел к жене и резко заговорил:

– Да вам-то, сударыня, откуда знать, что означает возиться с детьми?! Вы не мать! А Элен навсегда останется моим ребенком, я не раз говорил вам о том! И еще одно: я позволил вам вернуться по просьбе моего отца, а также моих сестер, которых вы ненавидите. Но учтите – я могу в любой момент передумать!

Губы Полины задрожали от обиды, но она промолчала. Обращаясь к остальным, Перси сказал:

– К сожалению, я должен ехать.

Он кивнул Лансдорфу, поцеловал в лоб сестру, Долорес, затем прыгнул в седло и быстро ускакал. Элен сердито уселась в беседке на противоположную скамейку.

– Надеюсь, он скоро отправит вас отсюда, леди Длинная Мегера! – сказала она Полине. – Видно досадно вам очень быть такой коротышкой! – засмеялась та в ответ. Элен вспыхнула, но тут заговорила Долорес таким тоном, какого Лансдорф никак не ожидал от нее. – Прикусите ваш язык, миледи! Вы изнемогаете от зависти к Элен, которая превосходит вас во всем – от красоты до ума, которого у вас, кстати, совершенно не наблюдается! – Как ты смеешь так говорить со мной, ничтожная приживалка?! – вскипела Полина. – Это вы – приживалка и подлая гадина! – вскричала Элен, но Долорес жестом остановила ее: – Позволь, Элли, мне все ей высказать, – она повернулась к Полине, – вы не стоите самих подошв на туфлях леди Перси, которые только что позволили себе столь дерзко осмеять. А я действительно сирота и живу здесь из милости. Но меня все любят: Элен, ваш муж и даже сам герцог, который и привел меня сюда когда-то. А еще я сомневаюсь, что родная мать могла бы меня любить сильнее, чем покойная леди Анна, которая порой дарила мне больше нежности, нежели своим родным детям! А где ваши родители? Почему вы не получаете от них писем? Я отвечу за вас – это потому, что вы никому не нужны, так как всем опротивели! – Правильно, Долли! – воскликнула Элен. – Да вы обе просто противные избалованные девчонки! – чуть не плача произнесла

²⁰ Эстрамазоне – фехтовальный прием, прямой выпад с ударом концом шпаги.

Полина. – А раз мы такие противные, чего вы везде таскаетесь за нами, подслушиваете, что-то вечно вынюхивая, как ищейка? – спросила Долорес. – Должен же за вами кто-то присматривать, – пожала плечами графиня, – ведь вам только дай волю – начнете развратничать! – Ах, какова гарпия! – вскричала Долорес. – Это вы сами готовы развратничать, только вряд ли найдется с кем! А Оливер вас ненавидит! – Мерзавка, – простонала, заплакав, Полина и ударила Долорес веером. – Завистница! – ударила ее та в ответ. Увидев, какой оборот приняла ссора, Элен поспешно подскочила к ним, ловко выхватила веер у Полины и стала тоже бить ее им. Без своих грандиозных туфель она стала ниже маленькой Долорес, а Полине едва доходила до плеча.

Лансдорфу стало смешно. Подобную сцену он наблюдал лишь однажды, на рынке. Но там торговки дрались рыбой и ругались при этом менее утонченно. А тут – племянница французского короля и дочь герцога Нортумберленда с компаньонкой! «Зрелище не из последних», – мысленно смеялся Дерек и, сохраняя невозмутимый вид, раздумывал: разнять их или все же не стоит.

– Ой! – вскрикнула вдруг Элен, видно уколов чем-то ногу.

– Ага! – злорадно взвизгнула весьма уже растрепанная графиня. – Что, куклам тоже иногда бывает больно? – и, решив, что лучшего момента ретироваться у нее не будет, поспешила к дому.

– Вот, фурия! Продолжает оскорблять! – возмутилась Долорес и побежала за ней.

Элен, насупясь, уселась на скамейку и вспомнила, наконец, про Лансдорфа.

– Простите, Ланс, за эту сцену, – удрученно произнесла она. – Как же мне надоела эта мегера. Вы пришли заниматься со мной, а тут... – она смутилась, покосившись на брошенные туфли. Лансдорф поднял их и присел перед ней:

– Позвольте мне помочь вам.

– Ланс, но ведь вы не слуга, – тихо проговорила она.

Дерек промолчал, продолжая смотреть ей прямо в глаза. Тогда Элен протянула ему ножку – он обул ее, затем другую.

– Не рост, миледи, делает человека прекрасным.

– А что же? – буркнула она, еще больше смущаясь.

– Чистота помыслов, богатство и красота души. Если человек таков, то и наружность его так же прекрасна.

Леди Перси подняла на него глаза. «Сейчас объяснюсь» – подумал Дерек, но она посмотрела куда-то через его плечо.

– Ах, сюда приближается мой кошмар.

Они оба вскочили на ноги. «Своим кошмаром» Элен звала лорда Уэлсли. Она подхватила камешек с земли и бросила его в кусты:

– Грейл или кто там, выходите.

К изумлению Дерек, из кустов действительно показалась фигура Грейла.

– Вот так, Ланс, – грустно усмехнулась Элен, – Полина все время хочет смотреть за нами, а тут и без нее согладатаев хватает. Я вечно под чьим-то наблюдением.

От испуга у Лансдорфа пересохло в горле – а если бы Грейл услышал то, что он собирался сейчас сказать? Непременно донес бы герцогу! Что бы из этого вышло?

– Грейл, – сказала Элен, – вы сейчас скажете Уэлсли, что меня нет. Мы будем на псарне, а когда он уйдет, вы пошлете за нами.

– Бежим, Ланс! – она схватила его под руку, и они поспешили прочь оттуда.

Дерек раньше не был у них на псарне и сейчас мысленно отметил, что их собаки живут в гораздо лучших условиях, чем он со своей семьей.

– Разводить охранных собак – это целая наука, – серьезно сказала Элен, беря на руки щенка добермана, – хотя вам это может показаться неинтересным.

– Отчего же? – Лансдорф погладил щенка. – Я, как и вы, люблю животных.

Леди Перси улыбнулась:

– Если когда у вас возникнет желание получить надежных друзей, только скажите – и я подарю вам щенков от самых лучших родителей.

«Какая девушка!» – восхищенно думал Дерек, слушая ее рассказ о натаскивании доберманов. Он все не мог перестать удивляться ей: гувернеры-мужчины, доберманы, фехтование, скачки, образование. Хотя Элен и не училась в Университете, ее познания во многом превышали кругозор Лансдорфа. Она неплохо владела тремя языками: русским, испанским, французским. В настоящий момент она учила латынь и итальянский, а потом грозилась взяться за немецкий! А он знал только немецкий и греческий, довольно сносно понимал по-итальянски, немного по-французски. Ему было весьма странно узнать, что такая юная девушка состоит в переписке со многими учеными мира, и что ее интересовала медицина. А музыкальный талант! Дерек точно знал – из нее выйдет толк. С его помощью она уже пробовала писать оркестровые сюиты и симфонии. Но как сказать ей о любви? Да и непонятно, любит ли она его? Ее то все любят кроме, пожалуй, Полины. Даже тихая Долорес способна кричать и драться за нее. Раньше Лансдорф думал, что леди Флеминг – обычная бедная компаньонка, старающаяся всеми силами угодить капризной дочке богатого герцога, но со временем увидел, что дружба леди Флеминг чиста и бескорыстна, а Элен отвечает ей тем же. Долорес казалась ему очень приятной девушкой, тем более он был ей благодарен за Клауса – по ее настоянию он теперь часто привозил с собой брата в Сайон-хауз. Долорес заскучала после того как увезли герцога Ангулемского, Анну Луизу и малышку Марию Шарлотту, а ей так нравилось возиться с детьми. Она могла часами играть с Клаусом, кормить его со стола герцога и всячески баловать, пока они с Элен занимались музыкой. А уж стол-то у герцога был роскошее королевского – сельди голландские, осетры, треска, икра, сыр немецкий и швейцарский, колбаса, ветчина, супы рыбные и мясные, различные пироги, грибы, вино французкое и венгерское, мясо молодых быков и ягнят, куры, гуси, утки, фазаны, рябчики, индейки, куропатки, зайцы, множество фруктов. Всего не перечислишь! Всех кушаний перемен тридцать, а то и более, ведь в доме всегда гости и родственники, да и двор у герцога не маленький.

– Послушайте, Ланс, идемте заниматься, – прервала его мысли Элен, – уже надоело ждать!

Они направились во дворец.

– Из-за сцены с графиней я забыла вам сказать: скоро мой отец уезжает во Францию по делам. Знаете, что сие означает?

– Нет, – растерялся Дерек.

– Это значит, что мы будем устраивать множество концертов у нас во дворце! Мой брат хотел бы показать вам свою новую пьесу.

– Не знал, что он пишет.

– Это так. Но ему было бы неприятно слышать о том, что я скажу.

Обещаете молчать?

– Разумеется.

– Вы, наверное, и сами заметили – мой отец не любит музыку.

Так вот, мне он делает поблажку, но Оливеру запрещает писать и даже музицировать!

– Но он же все равно это делает.

– Да, но каждый раз отец пребывает по этому поводу в таком гневе!

Ах, Ланс, ему скоро тридцать, но он не может отстоять собственного мнения, тем более государственные дела отнимают у него много времени.

– Да, понимаю, – сочувственно вздохнул Дерек.

Они зашли в гостиную. Навстречу им вышла леди Флеминг:

– Я предложила лорду Уэлсли заехать в другой раз, но он решил вас дождаться.

– Да! – радостно вскочил на ноги Уэлсли, – и я дождался! – Он хотел поцеловать руку леди Перси, но она ее резко отдернула.

– Прошу прощения, милорд, но у меня сейчас урок музыки и я не могу уделить вам должного внимания.

– Я готов еще подождать, миледи, а если позволите, то и послушать вашу игру. Я принес вам свои новые стихи!

Леди Флеминг, подойдя сзади к Лансдорфу, тихонько шепнула:

– Умоляю, давайте постараемся вместе поскорее ее увести, не то будет беда!

Но он и сам уже это понял, увидев лицо леди Перси. Такой он не видел ее никогда. Долорес обратилась к Уэлсли:

– Милорд, лучше будет если вы сейчас покинете нас.

– Но почему?

– Убирайтесь! – процедила сквозь зубы Элен.

Лорд Уэлсли стоял как вкопанный.

– Что ж, тогда пришло время рассказать о моих чувствах к вам, – злобно бросила она, – ваше высокое положение долгое время обязывало меня терпеть вас, но этому пришел конец! Вы необычайно твердолобы! Любой другой на вашем месте давно бы понял, что я не хочу видеть вас, но вы так навязчивы, неугомонны и совершенно глупы!

– Я люблю вас, – прошептал Уэлсли.

– Но я не люблю вас! – Элен топнула ногой. – Приказываю – немедленно убирайтесь!

– Пойдемте, миледи, вас давно ожидает отец, – Дерек осторожно взял ее за руку. Она хотела было идти, но тут Уэлсли четко произнес:

– Я не уйду!

Леди Перси резко обернулась:

– Что вы сказали???

– Я не уйду, пока ваш отец не попросит меня об этом! – твердо ответил Уэлсли. – Несмотря на то, что он отказал мне, я буду снова и снова просить вашей руки!

Леди Перси приблизилась к нему. Но Лансдорфу показалось, что это уже не она, а сам злобный герцог в женском облике сейчас уьет незадачливого молодого лорда.

– Элли, не надо, – пролепетала Долорес, – если узнает отец и вообще...

– А что будет? – грозно спросила Элен. – Просто скажут, что дочь герцога Нортумберленда – невоспитанная особа, но меня это не интересует, – она уставилась на Уэлсли, – вот как, пустоголовый милорд, вы принесли стишки – что ж, почитаем, – она вырвала у него из рук стихи.

– Вы будете читать их слугам? – побледнел Уэлсли.

– Слугам? – сдвинула брови Элен, пробежав глазами по строкам, – леди Флеминг и фон Лансдорф – не слуги! А стихи ваши настолько бездарны, что я не решилась бы прочесть их до конца даже судомойкам! Теперь насчет глупости. Ваш лучший, как вы считаете, друг Гамильтон мяукает у меня под окном, точно влюбленный кот, но вы этого не замечаете и поверяете ему тайны, которые он разбалтывает здесь же! Если бы состоялся парад глупцов, вы бы несли знамя! Я ненавижу вас – пустой человек, блестящий мотылек, который ничего не делает день ото дня, лишь бегает по гостиным, играет в карты и несет любовную чушь. Мой отец в ваши годы закончил в Университете два факультета. Он никогда не отдаст меня вам, запомните. И если он не был с вами резок, то только из уважения к высокому происхождению и титулу вашего отца. А я, со своей стороны, согласилась бы скорее стать женой нищего, безродного, но умного, дельного и талантливого человека, чем стать леди Уэлсли или герцогиней Веллингтон! – с этими словами она разорвала стихи и бросила их в лицо Уэлсли.

Того точно парализовало, он был ошеломлен нанесенным оскорблением.

– Как заставить вас оставить меня в покое и уйти? – воскликнула Элен.

Красивое лицо Уэлсли исказила гримаса боли и обиды, но он все еще не шевелился. Тогда она занесла руку.

– Нет, Элли, – ужаснулась Долорес.

Раздался звук пощечины.

– Все равно вы не уходите? Что нужно еще для этого сделать?

Плюнуть в вас? – в иступлении вскричала Элен, но Лансдорф кинулся к ней и потянул за руку:

– Не надо, только не это, миледи. Идемте поскорее, умоляю вас!

Она уже хотела последовать за ним, но Долорес испуганно шепнула:

– Элли, смотри...

Они обернулись – сзади стоял герцог Нортумберленд.

– Живо все трое в мой кабинет! – яростно прошипел он.

Они не заставили себя упрашивать и быстро исчезли, оставив герцога наедине с Уэлсли.

– Элли, зачем ты это сделала? Что теперь будет? – с упреком пролепетала Долорес.

– Возможно, меня накажут, – Элен сжала кулачки, – ну и пусть!

Зато я все ему высказала! Жаль с ним не было его друга Гамильтона, его это тоже касалось! Ненавижу их обоих!

Почти сразу за ними в кабинет вошли герцог и Грейл.

– Как ты посмела избить и оплевать сына герцога Веллингтона?! – заорал герцог на дочь.

Элен виновато пожала плечами, но при том довольно высокомерно заявила:

– Я мечтала об этом два года. И заметьте, отец, все-таки не плюнула.

– Ты стала слишком много себе позволять! Но я-то знаю, какое тебе нужно наказание – я прикрою ваш музыкальный бедлам!

Высокомерие моментально слетело с Элен, она бросилась к отцу:

– Только не музыка, вы ведь этого не сделаете?

Герцог злорадно улыбнулся, почуяв, что задел дочь за живое:

– Неужели? И кто же мне помешает, хотел бы я знать? Идите вместе с Долорес в свои покои. Вы наказаны обе. Долорес – за постоянное потворство твоим прихотям.

Девушки вышли.

– За что я плачу вам деньги?! – накинулся герцог на Грейла. – Где были вы, где Мортимер и остальные, когда все произошло?

– Леди Элен с учителем были на псарне, и я должен был известить их, когда лорд Уэлсли удалится. Своим преследованием он совершенно измучил бедняжку...

– Четыре гувернера – и такое! – в ярости перебил его Нортумберленд. – А если бедняжка в другой раз захочет вклеить оплеуху королю?!

– Я виноват, милорд, – опустил голову Грейл.

Герцог уставился на Лансдорфа:

– Как началась ссора?

– Зачинщиком сей неприятности был лорд Уэлсли, – не дрогнув, ответил Дерек.

– Лжете! – герцог со всей силы стукнул кулаком по столу. – Это она – я знаю свою дочь!

Но вы-то, Лансдорф, почему сразу не увели ее?

– Я почти сделал это. А леди Перси вначале вежливо просила милорда удалиться, но он спровоцировал ее, желая поступать как ему нравится.

Герцог внезапно успокоился, сел.

– Мне и самому он страшно надоел. Но так оскандалиться! Хорошо еще действительно не плюнула, – он зло посмотрел в сторону гувернера, – и этим я обязан музыканту! Вы отставлены от должности, Грейл. Вон отсюда! – он перевел взгляд на Лансдорфа. – Надеюсь, вы не станете говорить ни с кем об увиденном?

– Уверю, ваша светлость, я вообще ничего не видел, – невозмутимо заверил тот.

Глава 17

Лансдорф невольно вздрагивал, вспоминая, с каким лицом Элен давала пощечину Уэлсли. «Хорошо я пока не открылся ей.

Кто знает, как бы она восприняла мое признание? Но со мной она неизменно мила». Влюбленному юноше было страшно. На днях в Сайон-хаузе должен был состояться прием важных гостей: королевской семьи и посла испанского принца, племянника герцога Нортумберленда. Хотя открыто об этом не говорилось, Дерек узнал, что посол едет сватать Элен за ее кузена-принца. Сама она со смехом как-то обмолвилась: посол едет зря – герцог терпеть не мог своих испанских родственников. Но Лансдорфу не было спокойно. Он старался почаще бывать в церкви, заказывая мессу за мессой. И работал на износ. Чтобы заниматься с Элен он пожертвовал всем своим свободным временем, пришлось также отказаться от нескольких учеников, но не от дочерей графа Джерси, которому был обязан многим. По ночам Дерек писал музыку на заказ, оставляя для сна порой всего несколько часов. А сейчас он писал ораторию по заказу самого герцога Нортумберленда! Правда предназначалась оратория для короля, который, по словам герцога, уже оценил его религиозную музыку по достоинству. «Я увижу самого короля! Нужно постараться угодить ему, от этого зависит мой успех», – мечтал Дерек, представляя себя богатым. Никогда еще прежде он так не ненавидел своей нищеты, считая ее главной виновницей своих страданий.

Будь он богат, может герцог и взглянул бы на него по-другому. Ум подсказывал Дереку: в любом случае он никогда согласится отдать дочь за него. Но кто сказал, что у любви есть ум? Свои грезы влюбленный юноша каждую ночь изливал в горячей молитве, твердо уповая – невозможное для человека, возможно Богу! Ему казалось, если Элен полюбит его, то обязательно настоит на своем, а герцогу придется смириться с ее выбором. Было очевидно, что единственное слабое место негибачего герцога – его дочь. Она одна осмеливалась спорить с ним, и нередко последнее слово оставалось за ней! За скандал с Уэлсли она так и не была наказана, несмотря на все клятвы герцога. Даже более – приехав после того случая в Сайон-хауз, Дерек с удивлением застал Грейла на прежнем месте.

Долорес рассказала: едва завидев верзилу, которым герцог попытался заменить Грейла, Элен пришла в неопишное иступление, угрожала отцу, что если он не вернет ее главного гувернера, то она будет обходиться со всеми женихами как с Уэлсли. Лансдорф снова убедился, как он любит свою ученицу – дерзкую, своенравную, но очень добрую. Ведь Долорес шепнула ему по секрету: Элен на самом деле любит Грейла, хоть и ссорится иногда, привыкла к нему и сочла несправедливым, что он пострадал за ее вспыльчивость.

У него была семья, которая осталась бы без средств к существованию, прогони его герцог. Зачастую, если отец делал дочери денежный подарок сверх ее содержания, она втайне от Грейла передавала эти деньги его больной жене, не открывая и ей, от кого они. Но миссис Грейл, разумеется, все понимала и была бесконечно благодарна доброй девушке.

Несколько недель спустя, состоялся прием, которого так ждал Лансдорф, чтобы представить ораторию королю. Леди Перси, прослушав репетицию, подбадривала его, уверяя, что король точно не останется равнодушен. Прибыли именитые гости и король со своим семейством. Лансдорф был представлен его величеству, и слушание началось.

Скрывая волнение, юный композитор незаметно разглядывал испанского посла и королевскую семью. Особенно радовало Дерек то, что по происхождению король был немец. Наследник престола принц Уэльский оказался неприятным, чахоточного вида человеком средних лет. Зато его супруга, в девичестве датская принцесса, была весьма недурна собой. Рядом с королем сидел его младший сын герцог Йоркский, глава военного министерства. Дереку было

известно, что многими своими победами Англия обязана ему, а вблизи он видел его в первый раз. Герцог Йоркский был молодым мужчиной атлетического сложения, но с таким же невыразительным лицом как у принца. Король явно отдавал ему предпочтение, и мало для кого было секретом, что хотя корону носит Георг, настоящим правящим королем является герцог Йоркский.

Когда оратория была исполнена, его величество выказал благодарность герцогу Нортумберленду, спросив, как ему удалось отыскать такой талант. Эдуард, очаровательно улыбаясь (такое оказалось возможным), ответил, что достопочтенный фон Лансдорф – учитель музыки его дочери. Когда Эдуард улыбался, то выглядел совсем молодым. Дерек подумал, что он, вероятно, всегда оказывал такое же неотразимое впечатление на женщин, какое теперь производит его дочь на мужчин. И тут же убедился в своей правоте, заметив, как принцесса не может скрыть своего восхищения и недвусмысленно откровенно любит герцога. Заметил это и принц:

– По-моему, все это действует несколько угнетающе, – сухо произнес он.

Король обиженно посмотрел на сына. Герцог Йоркский незамедлительно ответил брату:

– А мне думается, его величество гораздо более вашего разбирается в духовной музыке!

Оратория несомненно превосходна.

– Ты как всегда прав дитя мое, Джонни, – улыбнулся король, называя сына на английский манер, ибо настоящее имя герцога-немца было Иоганн Густав.

Георг милостиво поздравил Дерек и пригласил во дворец Сент-Джеймс для получения новых заказов от себя лично и герцога Йоркского. Королевское семейство удалилось, а счастливый Лансдорф стал свидетелем отказа герцога Нортумберленда в руке своей дочери ее испанскому кузену, под предлогом близкого родства.

Глава 18

Спустя совсем немного времени, благодаря благосклонности короля, музыка Лансдорфа становится в цене у английских аристократов. Георг теперь больше стал благоволять Лансдорфу, нежели прежнему любимцу Генделю, а герцог Йоркский, как увидел Дерек, был совсем музыкально неодаренным и во многом имел солдафонские привычки. Но, желая угодить отцу, тоже симпатизировал Лансдорфу, делая заказы во вкусе короля. Герцог Нортумберленд уехал во Францию, и теперь в Сайон-хаузе должна была состояться пьеса графа Перси в узком аристократическом кругу. Лансдорф прибыл туда вместе с приглашенной Элен дочерью графа Джерси Мэри Вильерс. Пьеса представляла собой подобие оперы на следующий сюжет: дочь графа Диана любит Эдмунда – молодого нищего дворянина, искателя приключений. Отец силком выдает дочь замуж за другого. Диана хочет бежать от мужа с возлюбленным, но узнает, что он соблазнил ее подругу Сюзанну. Диана возвращается к мужу и живет с ним счастливо. Либретто для сей оперы написала подруга Элен леди Мэри Уорг – леди Монтегю, которой впервые представили Дерек. Леди Мэри была писательницей и находилась в центре литературного кружка, в состав которого входили известные всей Англии Адисон, Поуп и Конгрев. Целомудренный Дерек недовольно отметил про себя, что граф Перси необычайно увлечен леди Мэри, ничуть не смущаясь присутствием своей супруги. «Хорошо еще отец не принуждает меня к женитьбе, – подумал он, – я сам содержу семью и потому имею право не жениться вообще, если невеста мне не по душе. Граф Перси, похоже, такого права не имел». Дерек невольно пожегся, представив, что его заставили бы жениться на ком-то вроде Полины. Он украдкой посмотрел на графиню Перси: в глазах женщины было видно такое отчаяние, что доброму юноше стало жаль и ее тоже. – Ах, как вы огорчили меня, Мэри, – голос Элен оторвал Дерек от невеселых мыслей, – представь, Оливер, леди Монтегю сообщила, что герцог Норфолк заболел и не сможет петь с нами! Услышав это, Дерек обрадовался, не желая видеть своего соперника. Роли в этой пьесе распределялись следующим образом: в роли Дианы должна была петь сама леди Перси, сопрано. Граф, ее отец – граф Перси, баритон. Муж Дианы – герцог Норфолк, бас. На роль Эдмунда пригласили профессионального тенора Торелли, так как большая часть арий принадлежала именно ему. Роль Сюзанны взялась исполнить Долорес, сопрано.

– Но кто же теперь будет мужем Дианы? – удрученно спросил граф Перси.

Элен и Мэри Монтегю недоуменно переглянулись.

– Послушайте, господин фон Лансдорф, – воскликнул Торелли, – у вас, мне помнится, совсем неплохой бас!

Элен в упор смотрела на него:

– Ланс, прошу, попробуйте!

Дерек окончательно смутился:

– Боюсь, я совсем никудышный актер, леди Перси.

За него тотчас вступилась Мэри Вильерс:

– Но Элен, дорогая, вы же знаете о религиозных принципах фон Лансдорфа!

– Да, я тоже знаю, – вмешался Перси, – я пригласил вас, Лансдорф, послушать мою музыку. Но было бы прекрасно, если бы вы согласились петь с нами. Со своей стороны обещаю – вашему отцу ничего об этом известно не станет.

– Ну же, Ланс, – с нетерпением настаивала Элен.

– Хорошо, миледи, я согласен, – чуть слышно отозвался Дерек и взял протянутые графом партитуры.

– Ах, мой бедный друг, – очень тихо прошептала Мэри Вильерс, но он это услышал.

Роль мужа Дианы удалась Лансдорфу неплохо. «Как сладко хотя бы и на сцене быть мужем Элен!» – думал Дерек, представляя себя и в самом деле ее мужем.

Когда гости уже почти разъехались, леди Перси, подав ему на прощание руку, восторженно произнесла:

– Мы уже полтора года занимаемся с вами, Ланс, вы всегда очень тихо говорите, а я и не знала, что у вас такой низкий бархатный голос, восхитительный бас!

Дрожа от счастья, он припал к ее руке.

– Я готова, господин фон Лансдорф, – раздался рядом голос Мэри Вильерс.

– Непременно жду вас снова, Мэри! – улынулась Элен.

Они распрощались. Лансдорф, сопровождая домой Мэри, сидел в карете молча. Она тоже молчала. Тогда он решил спросить:

– Леди Мэри, позвольте узнать, почему вы назвали меня бедным другом, я ведь слышал?

– Мне стало жаль вас, – вздохнула она в ответ.

– Но отчего жаль?

– Простите, немного неловко говорить это, но я так привыкла к вам. Мы даже знаем тайны друг друга. Поверьте, я прекрасно вас понимаю, а жаль мне оттого, что ваши чувства, подобно моим, остались без ответа.

– Откуда же вам знать, что без ответа? – смущенно произнес Лансдорф.

– Элен не любит вас. Я же просто пытаюсь защитить вас от осмеяния.

– Вы так говорите от обиды за лорда Уэлсли?

– Нет. Я питаю к вам искренние дружеские чувства, а потому не хочу, чтобы с вами случилось то же что и с ним. Ведь на меня он и смотреть никогда не хотел, а от нее готов стерпеть плевки и оплеухи.

– Но как вы об этом узнали? – удивился Лансдорф.

Голос Мэри задрожал:

– Однажды, не выдержав, я заметила лорду Уэлсли, стоит ли так попусту терять свое достоинство. Он вежливо ответил, что насмешки, оплеухи и даже плевки леди Перси ему дороже любви всех английских замухрышек.

Лансдорф опустил глаза.

– В таком случае, леди Мэри, я вполне уверен – лорд Уэлсли получил по заслугам. Этот ничтожный человек не стоит вас и вашей чистой любви!

Мэри, как ни старалась сдержаться, все-таки заплакала.

– Если бы он был таким как вы! – быстро успокоившись, она продолжала, – будьте осторожны, не обманывайтесь расположением Нортумберленда. Перед вами сейчас открыты все двери, даже дворец короля, чему я очень рада. Вы как никто другой заслуживаете лучшего, но если осмелитесь просить у герцога руки его дочери, то эти двери захлопнутся и даже король не поможет вам – настолько велико влияние герцога! Он так носится со своей дочерью, что имеет наглость гнушаться принцами крови! Вам наверняка известно об отказе им в руке Элен испанскому принцу, а также саксонскому принцу Леопольду Августу! Последний, кажется, ваш родственник?

– Да, но не очень близкий. Мать принца – троюродная сестра моего отца.

– Ах, Лансдорф! Герцог, видимо, ждет когда освободится место французской королевы, на меньшее он, похоже, не согласен. Ведь его другие дети состоят в браке с французами. Но в королевы Элен вряд ли когда оттуда позовут и пока ее отец мечтает о несбыточном, она вполне может состариться. В итоге – ее, скорее всего, отдадут за герцога Норфолка. Вы это понимаете?

Лансдорф неопределенно пожал плечами. Он почти не слушал Мэри. В его ушах, словно прекрасная ария звучали слова нежно любимой девушки: «...у вас такой низкий бархатный голос, восхитительный бас!»

Глава 19

Дерек вышел из Ковент-Гардена совершенно довольный.

– Знаешь, – сказал он Гарсиа, – я всерьез задумываюсь о создании оперы. Сиббер уже показывал мне либретто на тему деревенской жизни. Что ты думаешь об этом?

– Опера? – задумался Гарсиа, и тотчас горячо подхватил, – а почему бы нет? Я уверен, ты справишься, Ланс!

– С тех пор как я с успехом дебютировал в качестве дирижера Ковент-Гардена, во мне появилась уверенность. На сей раз я серьезно думаю о драматургии. Граф Джерси уговаривает меня писать и готов поставить мое первое сочинение не получив финансовой гарантии.

– Для тебя это новая возможность утереть нос Генделю. Но как это перенесет благочестивый отец Фредерик? – Гарсиа состроил шутливо-набожную гримасу. – А еще, не сомневайся, здесь не обошлось без леди Перси. Всем известно как она любит оперу.

– Отчасти ты прав, – улыбнулся Лансдорф, заметив карету Элен.

Первая опера Лансдорфа выдержала всего три представления в Друри-Лэн. За ней последовала другая, которая являлась плодом совместного творчества Дерека и Элен. Она продержалась пять раз – английская публика по-прежнему отдавала предпочтение итальянцам. Затем, оставив в покое оперу, они занялись концерти-гросси²¹.

В подарок к совершеннолетию леди Перси Лансдорф написал великолепный гимн.

Элен пришла в такой восторг, что даже поцеловала его в щеку! От счастья сам не свой, Дерек решил открыться девушке и предложить ей стать его женой. Он мечтал, что когда страшно разгневанный герцог, узнает об этом, то лишит дочь приданого и тогда бы они с Элен были бы свободны и жили, сочиняя музыку, а он, конечно же, смог бы обеспечить ей достойное существование, не забывая и об отце с братом. Свое признание юноша собрался сделать после концерта, который герцог разрешил устроить в Сайон-хаузе.

²¹ Кончерти-гросси – «большие концерты» (итал.), инструментальный жанр в музыке, основывается на чередовании и противопоставлении звучания всего состава исполнителей и группы солистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.